

Дарья Донцова

Камин для Снегурочки

Любительница частного сыска
Ааша Васильева

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

ЭКСМО

Дарья Донцова
Камин для Снегурочки
Серия «Любительница частного
сыска Даша Васильева», книга 22

*Текст книги предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=118862*

Аннотация

«Кто я такая?» Этот вопрос, как назойливая муха, жужжит в голове... Ее подобрала на шоссе шикарная поп-дива Глафира и привезла к себе домой. Что с ней случилось, она, хоть убей, не помнит, как не помнит ни своего имени, ни адреса... На новом месте ей рассказали, что ее зовут Таня. В недалеком прошлом она была домработницей, потом сбежала из дурдома, где сидела за убийство хозяина.

Но этого просто не может быть! Она и мухи не обидит! А далее началось и вовсе странное... Казалось, ее не должны знать в мире шоу-бизнеса, где она, прислуга Глафиры, теперь вращается. Но многие люди узнают в ней совершенно разных женщин. И ничего хорошего все эти мифические особы собой не представляли: одна убила мужа, другая мошенница. Да уж, хрен редьки не слаще!

А может, ее просто обманывают? Ведь в шоу-бизнесе царят нравы пираний. Не увернешься – сожрут и косточки не выплюнут! Придется самой выяснять, кто же она. Вот только с чего начать?..

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	16
ГЛАВА 3	31
ГЛАВА 4	45
ГЛАВА 5	58
ГЛАВА 6	70
ГЛАВА 7	79
ГЛАВА 8	96
ГЛАВА 9	108
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Дарья ДОНЦОВА

КАМИН ДЛЯ СНЕГУРОЧКИ

Все события, описанные в книге, никогда не происходили в действительности. Сюжетные линии выдуманы, совпадения имен и фамилий случайны.

ГЛАВА 1

Никогда не знаешь, с какой стороны к тебе подползет неприятность. И вообще, никому не известно, что с ним случится через пять минут.

Как-то в начале июня я сидела в кафе вместе со своей подругой Ленкой Горбуновой. Время было довольно позднее, около полуночи, но, как ни странно, я никуда не спешила. Дело в том, что все мои домашние уехали кто куда, и мне предстояло провести несколько дней в одиночестве. Первые сутки я наслаждалась тишиной и покоем, на вторые загрустила, а на третьи, решив отвлечься, отправилась на встречу с Ленкой.

Мы славно провели время, выпили кофе, поели пирожных, а потом я с завистью сказала:

– Какие у тебя красивые волосы!

– Ага, – кивнула Ленка, – правда шикарные?

– Словно из рекламного ролика, – кивнула я, – густые и блестящие. А у меня! Просто кошмар! Мою их каждый день, и все равно тусклые, не лежат, секутся на концах. Да еще ногти в последнее время слоиться начали. Наверное, старость подбирается.

– Глупости, – захихикала Ленка, – какие наши годы! Просто нехватка витаминов.

– Я их принимаю каждое утро!

– Значит, не те! – не сдавалась Ленка. – У меня, между прочим, на голове тоже сено торчало, пока одно средство не посоветовали. Во, гляди.

С этими словами Ленка вытащила из сумки пластиковый флакон, набитый большими розовыми капсулами.

– Помогает классно, – заверила меня она, – через три дня я совсем другой вид приобрела.

– Дай название спишу, – загорелась я, – тоже хочу попробовать!

Ленка открутила пробку, потом, высыпав на салфетку примерно двадцать желатиновых капсул, сказала:

– На, попробуй. Сначала сразу надо слопать пять штук, а потом после каждой еды по две. Волшебное средство, только дорогое.

– Ты мне просто название скажи, – улыбнулась я, – сама куплю.

– Оно у нас не продается, – вздохнула Ленка. – Его мне Колька привез из Китая. Это их народная примочка, супер-пупер-полезная. Если через три дня поймешь, что тебе лучше становится – энергия прибывает, волосы заблестели, сон налачился, – позвони мне, а я Кольку попрошу, он и тебе витаминчики из Пекина притащит.

– Ну спасибо, – обрадовалась я.

– Ты сразу-то пять штук прими, – велела Ленка.

– Большие очень, – скривилась я, глотая капсулы.

– Ради красоты можно потерпеть, – хмыкнула подруга.

Мы расплатились по счету, я проводила Ленку до ее машины.

– Звони! – крикнула Горбунова и умчалась на бешеной скорости.

Я осталась одна, надо было ехать домой, но отчего-то на меня напал столбняк. Начало июня в этом году выдалось просто замечательное. Вот уже несколько дней термометр стабильно показывает плюс двадцать три, на небе ни облачка, редкая погода для столицы. У нас ведь, как правило, на Новый год расцветают розы, а в июне валит снег.

Улица, вернее, маленький переулочек, где располагалось кафе, выглядела пустынной. Впрочем, завтра рабочий день, и, несмотря на великолепную погоду, большинство москвичей уже улеглось спать. Если честно, я сама не слишком люблю посещать зланные места, расположенные на окраине Москвы, но Ленка недавно переехала в район новостроек, и,

когда я, позвонив, сказала: «Давай встретимся», она ответила: «Если тебе все равно где, то лучше в ресторанчике „Винни-Пух“, там кормят отлично, кофе варят классный».

– Где же такой трактир? – изумилась я.

– А недалеко от моей новой квартиры, – пустилась в объяснения подруга, – извини, к себе не зову, у меня стены штробят под проводку. Грязища повсюду! Вот закончу ремонт, тогда и приглашу на новоселье. Ну какая тебе разница, где нам встречаться? А мне нельзя далеко от квартиры уезжать, мало ли что. Этот «Винни-Пух» вполне приличное место, тихое, народу никого, кормят хорошо!

И вот сейчас я стою совершенно одна, поздним вечером, даже ночью, в незнакомом, почти не заселенном районе, а вокруг ни души. Мне неприятно и некомфортно.

Внезапно стало душно. Наверное, собиралась гроза. Не успела в голове возникнуть эта мысль, как перед глазами блеснула молния, но грома не было слышно. «Надо поспешить домой», – вяло подумала я, пытаюсь оторвать ноги от асфальта, и тут прямо передо мной снова ударила молния. Яркий свет вспыхнул в глазах, на голову словно надвинули тесную, тяжелую шапку, потом внезапно потемнело. Я хотела было шагнуть вперед и оказалась в крошечной темноте...

– Отметь там, – донеслось из плотного тумана, – два часа ровно, бирку нацепи.

– Ага, – ответил другой голос, тоже мужской, но более вы-

сокий. – А че писать?

– Учи вас всему! Число, время и паспортные данные.

– Так у ней документов нет.

– Тогда пиши – неизвестная, пусть ее к неопознанным по-ложат.

Я попыталась открыть глаза, но ничего не вышло. Чьи-то грубые, крепкие пальцы схватили меня за левую щиколотку.

– Слышь, Колька, – сказал мужчина, – а у ей ногти лаком помазаны, розовым таким.

– И че?

– Не похожа она на бомжиху.

– Ты нам сложностей не создавай, – обозлился Колька, – документов нет? Нет! Вот и отправляй куда велено, не наше это дело, понял, Толян?

– И не грязная она, – бубнил Толян, что-то делая с моей ногой.

– На одежду глянь, – сказал Колька, – дерьмо вонючее.

– А сама-то чистая, – не успокаивался Толян. – Руки тоже аккуратные!

– Заткнись!

– Так маникюр есть! И видишь полоску на пальце, такую белую.

– И че?

– Она кольцо носила! Не, это не бомжиха.

– Толян, – сурово заявил Колька, – тебя сюда на практику прислали? Вот и учись у меня. Вези в морг. Я хочу спокойно

матч посмотреть, ей уже до лампочки, где лежать, а наши с такой командой больше никогда играть не будут. Завтра Семен Петрович явится, и разберемся. Маникюр, педикюр... С улицы привезли, в одежде рваной, без обуви, документов нет...

– А ноги чистые, – зудел Толян, – как же она босиком ходила и не испачкалась? Нелогично.

– Пошел ты со своей логикой, – заорал Николай, – вот несчастье на мою голову! Практикант хренов! Ее «Скорая» в приемный покой приволокла! Одну! С улицы! Тетка померла, к несчастью, не у них в машине, а у нас в коридоре, отправляй ее в морг! Да не в первый, к приличным, а во второй, к бомжарам. Небось проститутка! Отсюда и ногти крашенные. Попользовались ею и вышвырнули...

– Не получается по-твоему!

– Ну все, – рявкнул Николай, – матч уже пять минут идет! Умерла так умерла, блин.

Хлопнула дверь. Пока мужчины спорили, я пыталась открыть глаза или рот или пошевелиться, но отчего-то ни одна часть моего тела не повиновалась мне. Руки, ноги не желали двигаться, шея не поворачивалась, и диалог парней я слышала словно сквозь вату, никаких эмоций он у меня не вызвал. Кто-то умер... Я, скорей всего, сплю и вижу дурацкий сон.

Чьи-то руки подняли меня, уронили на железный матрас, потом кровать затряслась...

– Ты чё ее головой вперед толкаешь, – загундосил Толян, –

ногами положено!

– Молчи, студент, – ответил звонкий девичий голос, – на-шелся тут!

Я пыталась вырваться из вязкой темноты, облепившей меня, хотела спросить: «Что случилось?» – но пошевелить губами не сумела и заснула...

– И кто из них? – раздался мужской голос.

– Ну... вон та, наверное, – ответил второй мужчина, – сле-ва, бери ее.

– На бирку глянь, – велел первый.

– Ща, не, Макс, лучше сам позырь, не разобрать.

– Ты, Витька, очки себе купи!

– Пошел на...

– Сам иди! Это она! Видишь, написано «неопознанный», клади сюда.

– Во блин, тяжелая!

– Так мертвое тело завсегда тяжелее живого, подымай.

Чьи-то руки схватили меня, понесли, потом по лицу пробежал ветерок.

– Внутрь пихай.

– Нормалек, улеглась.

– Теперь куда?

– Поглупей чего спроси, к Ивану.

Из моей головы медленно начал уходить туман, и появи-лись какие-то ощущения. Через некоторое время я поняла,

что лежу на спине, на чем-то жестком, подпрыгивающем, мне очень холодно, неудобно и плохо. Но это определенно не явь, а ужасный, кошмарный сон. Иначе почему я никак не могу открыть глаза?

Внезапно тряска прекратилась, послышался противный лязг.

– Привезли? – прозвучало издалека.

– Да.

– Где?

– В кузове.

– Ясное дело, не на сиденье, показывай.

– Вот.

Повисла тишина. Потом мужик с негодованием воскликнул:

– Это что? Ты кого припер, Витя?

– Как велели, из морга, неопознанная, нам Николай Михайлович выдал. Мы ему заплатили, все путем, – затарахтел тот, кто отзывался на имя Виктор, – не сомневайтесь.

– Идиот! Кто это?

– Так, Иван Николаевич, – труп!

– Чей?!

– Ну... как велено... бабы!

– Какой?

– ...э ...неопознанной!

– И где ты... его взял?

– Так Николай Михайлович выдал. Она к ним в ночь по-

ступила, вчера, то есть сегодня. Документы он похерил, вот и получается, что о ней никто не знает. Все как надо.

– Витя, ты...

– Да че я сделал-то!

– Дерьмо, – заорал Иван Николаевич, – никому ничего поручить нельзя! Все самому делать надо! Урод! Кретин!

– Так че я не так сделал? – обиженно занудил Витя.

– Все, – бушевал Иван Николаевич. – Мне нужна старуха! Ста-ру-ха! Баба семидесяти лет! Или около того, а здесь кто, а? Ей пятидесяти не дать!

– Намного моложе будет, – встрял еще один до сих пор молчавший мужчина, – вон грудь какая!

– Молчи, придурок, – взвизгнул Иван Николаевич, – только о сиськах и думаешь, гондон!

– Мне такую Николай дал, – отбивался Виктор.

– Ну, ща ему мало не покажется, – пообещал Иван Николаевич.

Послышалось тихое пиканье, потом мужик гаркнул:

– Колька, сучий потрох, кого мне прислал! Мне бабка нужна старая...

Вяло слушая его речь, щедро пересыпанную матом, я изо всех сил пыталась проснуться.

– Езжай опять к Кольке, – велел Иван Николаевич.

– А эту куда? – спросил Витя.

– Куда, куда, на холодец сварите.

– Скажете тоже, – хихикнул Виктор, – назад, что ли, та-

щить?

– Нет! Колька уже заплатил, чтоб не болтали. Заройте ее с Лешкой в лесу.

– Сделаем, – прозвучали дуэтом голоса.

– Быстро засыпьте – и к Кольке, – велел Иван Николаевич, – твари, идиоты!

Вновь послышался лязг, пол подо мной затрясся. Я попробовала крикнуть, но не сумела. Очень быстро шум мотора стих. Грубые руки схватили меня за щиколотку, протащили и бросили, на этот раз не на железо, а на что-то мягкое.

– Неси лопату, Лешка.

– А ее нет!

– Ты че, не взял?

– Не.

– Идиот!

– Сам такой!

– ...

– От... слышу!

– Ладно, – слегка успокоился Витя, – жди тут, съезжу за заступом.

– Я с тобой.

– С какой стати?

– Не останусь с ней один!

– Во придурок! Боишься, что ли?

– Ага, – честно признался Леша, – мне от трупов нехорошо.

– Ну ты и чмо! Мертвецы безобиднее живых.

– Не, я с тобой поеду.

– А эту кто караулить будет?

– А че с ней сделается? Пусть лежит. Или сам оставайся, а я за лопатой сгоняю, – предложил Леша.

– Нет, – быстро буркнул Витя, – вместе прокатимся.

Повисла тишина, я, плохо понимая, что происходит, пошевелила рукой... И тут со всего размаху мне на живот шлепнулось что-то скользкое, мягкое, отвратительное...

Из груди вырвался жуткий крик, я села и раскрыла глаза... Вокруг стеной стоял лес, серый рассвет едва проникал сквозь кроны деревьев. В легком недоумении я огляделась и мгновенно просекла ситуацию. Господи, я умерла, попала в морг, оттуда меня, спутав с кем-то, увезли. А вот теперь, чтобы исправить ошибку, парни снова поедут в трупохранилище, а меня сейчас заруют тут, вот на этой симпатичной поляне. Мои могильщики забыли лопату, скоро они вернуться. Надо бежать отсюда с реактивной скоростью. Ни в коем случае нельзя дожидаться этих Витю и Лешу. Парни явно принадлежат к криминальному сообществу. Ну кому еще придет в голову брать из больницы неопознанное тело?

Я вскочила на подгибающиеся от слабости ноги, дикий, животный страх прибавил мне сил. В ту же секунду стало понятно, что я совершенно голая. На секунду меня охватило отчаяние, но вдруг взгляд упал на лежащее передо мной грязное серое байковое одеяло. Я схватила его, набросила на

плечи и понеслась сквозь кустарник, не чуя земли под босыми ногами.

ГЛАВА 2

Сколько времени я летела сквозь лес, сказать трудно. Ужас гнал меня словно сыромятной плетью. Вдруг деревья расступились, и я увидела пустынное шоссе. Радость охватила меня. Дорога обязательно выведет к какому-нибудь населенному пункту, и по ней может проехать машина.

И тут показалось ярко-красное пятно. Оно быстро приближалось ко мне, превращаясь в красивую иномарку. Я бросилась автомобилю наперерез.

– Помогите!

«Мерседес» замер. Из окошка высунулась светловолосая девушка.

– Ну ваще, – воскликнула она, – ты пьяная? Или обкуренная?

– Помогите!

– Вау! Тебя ограбили?

– Да, – быстро сказала я.

– Ну садись, – сморщилась девушка, – довезу до Москвы.

Я влезла в «Мерседес» и затряслась от холода.

– Эх тебя ломает, – пожалела меня девица, – небось мескалин жрешь? Или на дорожке сидишь?

– Вы о чем?

– Какие колеса хаваешь?

– Я не наркоманка.

– Нормалек! Ладно, будем знакомы, я – Глафира. Узнала небось?

– Кого? – стуча зубами, спросила я.

– Меня, – горделиво ответила девушка, – я – Глафира.

– Нет, простите, а вас надо узнавать?

Девушка тряхнула копной светло-русых мелкозавитых волос.

– Все отчего-то мигом ко мне целоваться лезут. Ты что, телик не смотришь?

– Очень редко. Вы ведете какую-то программу? Ток-шоу? Глафира засмеялась.

– Не. Пою в группе «Сладкий кусочек». Неужели ничего про нас не слышала? Вот эту песенку, например.

Бойко вертя рулем, Глафира слабеньким, дрожащим голоском завела: «Милый уехал, в жизни все обман...»

– Ой, конечно, знаю, это вы исполняете?

– Да.

– Очень приятно, меня зовут...

Внезапно я замолчала. А как меня зовут?

– Ну, – поторопила Глафира, – так как тебя звать?

– Не помню, – оторопело ответила я, – имя из памяти вылетело.

– А фамилия, – хихикнула Глафира.

– ...э ...тоже.

– Чего же ты врала, что не глотаешь колеса, – откровенно развеселилась добрая самаритянка, – наркоша!

– Ей-богу, я не пользуюсь стимуляторами.

– И как тебя звать, не скажешь?

– Нет, – пробормотала я, чувствуя, как в душе снова нарастает ужас, – ничего не помню. Вообще.

– Где живешь?

– Понятия не имею.

– Телефон назови.

– Ну... Нет, не могу.

– Во блин, – хлопнула рукой по баранке Глафира, – класс!

И чего делать теперь? Куда тебя везти? Почему ты голая, в одеяле?

Я поежилась.

– Плохо помню. Вроде меня хотели убить, а я удрала, но это все.

Глафира хмыкнула:

– Ловко. Может, в милицию поедем?

– Не надо, – испугалась я.

Певица рассмеялась:

– Понятно. Катим ко мне, там Свин сидит, он разберется.

– Это кто Свин? – спросила я, тщетно пытаюсь унять дрожь.

Глафира нажала на кнопочку, по моим босым ногам повеяло теплым ветерком.

– Свин? Продюсер. Сиди спокойно, торчила.

Я хотела было снова напомнить, что не употребляю никакие препараты, но приятное тепло уже добралось до головы,

и я уснула...

– Дура, – ворвался в уши возмущенный голос, – зафигом приволокла ее?!

– Она на дороге стояла.

– ... бы с ней.

– Жалко все-таки.

– Идиотка.

– Свин!!!

– Что?

– Ну не бросать же ее было?

– Не стоило подбирать!

Я села, обнаружила, что нахожусь на диване в просторной комнате с ярко-голубыми занавесками. На мне была слишком просторная шелковая пижама. В креслах у окна сидели Глафира и мужчина лет сорока, черноволосый, плохо выбритый, с крупным ртом и большим носом.

– Здравствуйте, – пролепетала я, – который час?

– Ты, киса, сутки проспала! – рявкнул мужик. – Давай-ка познакомимся, Семен.

– Очень приятно, – кивнула я.

– Ну, чего молчишь, лапа? – заржал Семен. – Имечко скажи, назовись по-человечески, голуба. Сколько тебе лет, где живешь? Язык проглотила?

Я попыталась судорожно вспомнить хоть что-то. Но тщетно, в голове было пусто, словно в тумбочке у кровати в го-

стинице после отъезда очередных постояльцев.

– Ну, лапуся, – поторопил меня Сеня, – как дела? Ау! Кофе хочешь?

– Да, – с благодарностью воскликнула я, – очень!

– А покушать?

Невидимая рука сжала желудок.

– Конечно, с огромным удовольствием, – обрадовалась я.

Свин заржал и показал на столик, где стояла банка растворимого кофе, коробка с печеньем и электрочайник.

– Угощайся, котя.

Я встала с дивана, пересела в кресло, насыпала коричневого порошка в чашку, налила туда воды, глотнула и сморщилась.

– Что, невкусно? – заботливо спросил Свин.

– Не слишком, натуральный лучше.

– Скажите пожалуйста, – скривился Семен, – какие мы нежные! Где же ты наслаждалась кофейком по-турецки? В сизо?

Быстрым движением он выхватил у меня из рук чашку и залпом опрокинул в себя ее содержимое.

– Мы, люди шоу-бизнеса, не гордые, – сообщил он, – не то что вы, зэчки.

– Почему зэчки? – оторопело поинтересовалась я.

– Врать не надо, – рявкнул Свин, – хорош выделяваться, мы тут тоже можем такого Ваню изобразить!

Я растерянно моргала глазами, потом собралась с духом

и прошептала:

– Простите, я не хотела вас обидеть, сказав про кофе. Сама не понимаю, как это вырвалось. Отчего-то мне кажется: раньше я пила только арабику.

– Ну, киса, – хмыкнул Свин, – роль не продуманная. Значит, ничего о себе не помнишь, а кофе в чашечку насыпала, кипяточком залила. Следовательно, не такая уж ты психованная. Сумасшедшая бы на стол порошок натрясла и языком слизала. Одним словом, кончай базар.

– Извините, но я...

– Хватит!

– Ей-богу...

– Значит, правда ничего о себе не знаешь?

– Нет! – с отчаянием воскликнула я.

– Ладно, котя. А я кой-чего разведдал. Ты – Таня Рыкова.

– Таня Рыкова? – повторила я, пытаюсь понять, вызывает ли это словосочетание у меня хоть какие-то эмоции.

Но нет, никаких воспоминаний в голове не возникло.

– Таня Рыкова, Рыкова Таня... – бубнила я.

– Ага, – кивнул Свин. – Ты жила себе спокойно хрен знает где, у Муньки за шиворотом, потом приехала в Первопрестольную, устроилась трамваи водить.

– Трамваи? – эхом отозвалась я и посмотрела на свои узкие ладони. – Я не умею управлять этим транспортным средством.

– Ага, – хмыкнул Свин, – но само слово «трамвай» тебе

понятно?

Я кивнула.

– Вот и славненько, – скривился он, – уже продвигаемся вперед. На городском транспорте тебе работать не понравилось, что, в общем-то, понятно: грязно, утомительно, платят мало, и ты, котя, подалась в поломойки, стала квартирки убирать. И тут тебе, киса, повезло. Пристроилась в коттеджный поселок, к некоему Сергею Лавсанову. Дальше мне говорить или сама продолжишь?

– Простите, лучше вы.

– Вот, е-мое, кривляка, – хохотнул Свин, – ну лады. Некоторое время тому назад ты, душенька, прирезала своего доброго хозяина, можно сказать, благодетеля, пырнула ножиком, остреньким таким, тоненьким, для сырокопченой колбаски. Очень аккуратно попала мужику прямо в сердце. Ловко вышло.

– Не может быть, – прошептала я, чувствуя, как голову стремительно стискивает обруч, – я никогда никого не убивала!

– Да? Откуда ты знаешь? – захрюкал Свин.

– Ну... мне так кажется. И потом, как вы выяснили, кто я такая?

Продюсер шмыгнул носом, вытащил пачку сигарет, закурил и, выпустив прямо мне в лицо струю дыма, спросил:

– Ты выскочила к Глафире из леса?

– Вроде, – осторожно подтвердила я.

– На Волоколамском шоссе?

– Извините, не знаю.

– Зато я очень хорошо знаю, – оборвал меня Свин. – У Глафиры там, на Волоколамке, приятель живет, она от него рулила, а тут ты, киска, в одеялке, голенькая. Глафира, конечно, дура...

Девушка шумно вздохнула, но осталась сидеть молча. За время нашего разговора она не произнесла ни слова.

– ...полная идиотка, – продолжил Семен, – жалостливая слишком, вот и притормозила. Я бы ни за что не остановился. Ясно?

– В общем, да, но откуда вы узнали, что я Таня Рыкова?

– Не перебивай, а слушай. Когда ты прирезала хозяина, бедного Сережу, то, совершенно потеряв голову, вылетела из дома и понеслась к дороге, вся в крови, с ножиком в руке. Естественно, тебя взяли на выходе из поселка, охранник выскочил из будки и скрутил Танюшу. Ну, ясный перец, менты приехали, то да се, сечешь? Вела ты себя неадекватно, на вопросы не отвечала, чушь понесла. Ну и попала в сизо, потом суд и приговор!

– Это со мной давно было? – еле шевеля губами, спросила я.

– Да уж не вчера, – улыбнулся Свин, – наша самая справедливая и неподкупная Фемида посчитала тебя невменяемой и отправила на лечение в спецбольницу. Это по-ихнему, по-юридически, клиника, а по-нашенски, по-простому, пси-

хушка. Таперича понятненько, Танюшка?

– Нет.

– Ох, и упорная ты. Хорошо. Психушка эта стоит в километре от Волоколамки, надо сквозь лесок пробежать, и выскочишь на шоссе. И знаешь, что интересно?

– Нет.

– Заладила: нет, нет, – фыркнул Свин, – из психушки поднадзорная личность удрапала ночью. Татьяна Рыкова пошла в туалет и утнула. Пронырливая такая, ловко дельце обустроила. Все в палате оставила, в ночной рубашке босиком в сортир почапала, а потом в душ зарулила, сказала медсестре, что обосралась. Вот та, дуреха, и поверила Танечке. А наша Рыкова, ну хитра, ночную рубашонку на крючок повесила и в душ двинула. Сестра спокойно ждала, сорочка висит, вода шумит. Только через час до тупой девки дошло: неладно дело. Открыла дверь, а тебя нет.

– Куда же я делась?

– Э-э-э, хитрованка! Там в полу, под решеткой, которая пол прикрывает, люк имелся в подвал. Дом-то старый, про лючок то ли забыли, то ли посчитали, что его не открыть. А может, тебе кто помог, а? Только утнула ты, киса, и к шоссе бросилась.

– Нелогично выходит, – обозлилась я, – если я имела сообщников, то почему они машину не подготовили?

– Значит, ты одна орудовала, – быстро согласился Свин.

– И откуда у меня одеяло?

– Так сперла в больнице.

Я ошарашенно замолчала, потом поинтересовалась:

– С какой стати мне было хозяина убивать? Опять не то получается. Он же горничной небось зарплату платил!

Семен издал серию коротких хрюкающих звуков, и мне стало ясно, почему он получил столь милое прозвище.

– Ты, кисонька, решила у благодетеля денег стырить и сумела сейф вскрыть. Он у парня ну в очень нестандартном месте находился – в кладовке с припасами. Небось он решил, если бандиты наедут, то деньги в кабинете или в спальне искать будут. К банкам с крупной не полезут. Только не подумал Сережа о вороватых горничных да, на свою беду, домой в неурочный час приехал. Прикинь, как он удивился...

– Откуда вы все это узнали? – только сумела спросить я.

Свин хмыкнул:

– Киса, у меня такие связи! И что теперь делать станем, Татьяна? Назад в клинику поедем? Да уж, тебе там очень обрадуются! Скрутят, к кровати привяжут. Есть у них такие милые постельки, без матраса, а в деревяшке под спиной дырка!

– Зачем?

– А под нее ведерко ставят, – заржал Свин, – чтобы всякие вроде тебя в туалеты не просились.

– Я никого не убивала, ей-богу, поверьте.

– Ты же ничего не помнишь, – издевался Свин, – ни своего имени, ни адреса, ни возраста...

– Да, это так, но я знаю, что не могла убить.

– Невысокая, коротко стриженная, светло-русовая, глаза голубые, худая, имеет шрам от аппендицита, – спокойно перечислил Семен.

Я схватилась за пижамные штанишки.

– Да есть у тебя отметина, – отмахнулся Свин, – не старайся, не верю, как говорил Станиславский.

Из моих глаз полились слезы.

– Я ничего, совсем ничего не помню, вообще.

– Тогда поехали в клинику.

– Не хочу!

– Да? Выбора-то нет, киса.

У меня внезапно затряслась голова, по спине пробежал озноб, перед глазами сначала появилась серая сетка наподобие москитной, потом запрыгали разноцветные шары и стала медленно надвигаться темнота. Последнее, что я помню, был гневный вскрик Глафиры.

– Ну ты мерзавец, Свин!

В следующий раз я очнулась ночью, в окнах был беспросветный мрак. В углу большой комнаты горела лампа, на диване в круге желтого света сидела Глафира с журналом в руках. Я попыталась подняться и застонала – голова болела нещадно.

– Проснулась? – спросила Глафира, откладывая яркий томик. – Хочешь есть?

– Да, если можно.

– Пошли на кухню.

Пошатываясь, я добрела до огромного помещения, села на стул и стала смотреть, как Глафира роется в холодильнике.

– Сыр будешь? – спросила она.

Я кивнула.

– Ты не злись на Сеньку, – вздохнула певица, – хоть он и дикая свинья! Он тебе проверку устроил.

– В каком смысле?

– Ты, похоже, в самом деле Рыкова Татьяна, – пояснила Глафира, – убила Сергея Лавсанова, только не из-за денег. Он к тебе полез, изнасиловать хотел, на кухне дело было, вот ножик под руку и попался. И потом, ты москвичка.

– Зачем же тогда Свин наврал? – удивилась я, впиваясь зубами в бутерброд.

– Он думал, что ты врешь, притворяешься беспамятной, – пояснила она, – решил, что в какой-то момент не выдержишь и заорешь: «Все не так было». Но ты молчала, а потом в обморок упала. Теперь Свин в сомнениях.

– Я не вру!

– Похоже, нет, – кивнула Глафира, – совсем ничего не помнишь?

– Ну... я умерла в два часа ночи.

– Ой, расскажи, – подскочила Глафира.

Мы проговорили некоторое время, потом она зевнула, меня тоже потянуло ко сну.

Утро началось с короткого крика:

– Вставай!

Я быстро вскочила, пошатнулась и, чтобы не упасть, ухватилась за стену.

– Молодец, – похвалил меня Свин, – вот она, зэковская выучка. Раз – и готово.

Я села на кровать.

– Я никого не убивала.

– Хватит, – вполне миролюбиво сказал Семен, – вот что, киса, хочешь в психушку?

– Нет, не отдавайте меня туда, – взмолилась я, – что угодно, только не это!

– Лады, лапа, давай договоримся. Ты будешь работать у Глафиры.

– Кем?

– Всем: костюмершей, гладильщицей, мамой, поваром, уборщицей. Одним словом, станешь за нашей звездой ухаживать. Давно человека найти не можем.

– Почему?

– Так концертов на дню по три штуки и чешем много.

– Чешете? Кого?

Свин захохотал.

– Чешем! То есть по провинции ездим, с концертами. Конечно, Глашка и в Москве поет, по клубам, только основные денежки с Тмутаракани капаят. В месяц тридцать концертов

в двадцати городах отпоет, и жить можно. От нас прислуга бегом бежит. У всех семьи, мужики, дети. А у тебя никого.

– Я одинокая?

– Совсем.

– И замужем не была?

– Не-а, поселишься у Глашки, – продолжал Свин, – денег тебе платить не собираюсь, зачем они тебе? Жратвы сколько угодно, шмотки дадим. Будешь хорошо работать – награжу, стыришь чего или лениться начнешь – в клинику сдам. Просекла?

– Да, – тихо ответила я, чувствуя себя маленьким камешком посреди огромной пустыни.

– Болтай поменьше, – велел Свин, – про потерю памяти никому не рассказывай. Если кто спрашивать начнет, дескать, откуда взялась, отвечай: «Я Глафире дальняя родственница, приехала из... Тюмени». Даже лучше из деревни под Тюменью. «Теперь работаю мастерицей на все руки».

– Но у меня нет документов!

Свин встал.

– Это не твоя забота, Таня. Будет ксива, хорошая, с пропиской, не дрейфи. Об одном помни: работать надо старательно и меня слушать, как отца родного, иначе капец тебе, котя. Ты ведь не хочешь в клинику?

– Нет! – в ужасе воскликнула я.

– Тады по рукам, – крикнул Свин, – иди, морду умой, душик прими – и за работу. У нас сегодня концерты, сборные,

первый в клубе «Мячик». Шевелись давай.

ГЛАВА 3

Когда я вышла из ванной, Глафира крикнула:

– Рули сюда!

– Куда?

– В гардеробную, по коридору налево.

Я пошла по идеально отлакированному паркету и добралась до комнаты, битком забитой шмотками.

– Размерчик у нас, похоже, один, – протянула Глаша, – вон там погляди, джинсики, футболочки.

Я быстро нашла светло-голубые брюки, кофточку из трикотажа и спросила:

– Тебе не жаль мне эти вещи отдавать, они такие красивые?

– А, – отмахнулась певица, – такого дерьма у меня навалом, забирай хоть все. Вот эти, на первом кронштейне, не бери, я в них сама хожу. А те, во втором ряду, уже старые, можешь ими пользоваться.

– Разве футболка может выйти из моды? – удивилась я.

Глаша скривилась.

– Они мне малы. Видишь, грудь какая, четвертый номер. А у тебя ноль, вот и таскай.

– Зачем же ты их покупала, если малы?

– У меня тогда сисек не было.

– Они выросли?! – изумилась я.

– Нет, конечно, – усмехнулась Глаша, – я силикон вшила.

– Ой! Это же вредно.

– Зато на сцене красиво.

– И шрамы остаются!

Глафира задрала топик.

– Где? Найдешь, сто баксов дам.

Я внимательно осмотрела безупречную по форме пышную грудь и констатировала:

– Нет отметин.

– Ага, – обрадовалась Глаша, – никто обнаружить не может, потому что не туда смотрят. Вот где разрез был, под мышкой.

Я вгляделась и покачала головой:

– И правда, практически не видно, на зажившую ссадину похоже!

– Если кто спрашивает, что у меня под рукой, – окончательно развеселилась Глафира, – я всегда отвечаю: родинку удаляла. Ладно, хватит трепаться! Меряй туфли, вдруг у нас и размер обуви один.

Туфли Глафиры тоже оказались мне впору.

– Вот и здорово, – одобрила певица, – теперь курс молодого бойца. Во-первых, никого в гримерку не пускай.

– Куда?

– Когда на концерт приедем, – терпеливо объяснила она, – мне комнату отведут для переодевания, вот в нее никого не пускай, ясно?

Я кивнула.

– Ладно, – хмыкнула Глафира, – остальное потом.

Клуб «Мячик» находился на шумной улице. Глафира уверенным шагом направилась к стеклянной двери. Я с чемоданом и портпледом в руках тащилась сзади. Певица пнула носком высокого сапожка из джинсовой ткани стеклянную дверь.

– Эй, открывай!

Маячивший с той стороны шкафообразный парень лениво распахнул дверь.

– Тебя сюда спать наняли? – фыркнула Глафира. – А ну зови Катьку!

Секьюрити забубнил что-то в рацию.

– Безобразие! – громко заявила Глафира. – Больше ни за что не соглашусь в этой помойке петь. Никогда!

– Глашенька, душенька! – донеслось сверху.

Я посмотрела на широкую лестницу. По ступенькам быстро спускалась стройная женщина в элегантном костюме.

– Как мы рады! – щебетала она.

– Можно подумать, – скривилась Глафира. – Прихожу, никто меня не встречает. Этот идиот даже дверь не открыл.

– Извини, Глашенька, – тараторила Катерина, – знаешь, я всегда вас поджидаю, просто на секунду отошла, тут до тебя Алена Лапина подъехала, так я ее повела...

Глафира покраснела.

– Кто?

– Лапина, – растерянно повторила Катя, – наша звезда, Алена. Она перед тобой поет.

Глафира покачалась с пятки на носок, потом вдруг взвизгнула:

– Танька, уматываем, шагай к машине.

Ничего не понимая, я подхватила поставленный было на пол портплед.

– Глашечка, – засуетилась Катя, – что случилось?

– Значит, Лапина звезда, а я – так, дерьмо на лопате?

– Что ты! Господи, как такое могло тебе в голову прийти?

– Ее встречают, а я стой у закрытой двери!!!

– Глашечка, ну прости, я бежала тебя встречать сломя голову!

– Не похоже, что ты слишком торопилась.

– Глашенька! Леня, Игорь, быстро ведите звезду в гримерку! – заорала Катя. – Чего встали, идиоты! Фрукты, надеюсь, поставили? А воду? Только без газа!

Потом она повернулась к Глафире.

– Я помню, что ты, моя радость, не любишь газированную!

– Еще тебе следует помнить, что меня надо встречать у «Мерседеса», – отрезала Глафира и пошла к лестнице. – Алену она повела! Кошку визгливую! Тумбу квадратную! Юбочку из плюша! Нашли звезду! Уржаться!

Катя бежала впереди нас, постоянно оглядывалась и с самой сладкой улыбкой на лице верещала:

– Глашечка, душечка, осторожнее, тут приступочка. Леня-

ка! Принеси живо пепельницу, рысью, дурак! Глашечка, не споткнись.

Наконец мы добрались до двух совершенно одинаковых дверей.

– Надеюсь, меня разместят в зеленой примерке? – голосом, не предвещающим ничего хорошего, протянула Глафира.

Катино лицо покрылось красными пятнами. Администратор вжала голову в плечи, и тут одна из дверей распахнулась и на пороге появилась стройная девушка с безупречной фигурой. Красивые длинные ноги были упакованы в белые лаковые сапоги-ботфорты, коротенькая юбочка подчеркивала осиную талию, блестящий топик открывал упругую, высокую грудь. Откинув прядь густых рыжих волос, девушка нежным голосом сказала:

– Добрый вечер.

– Алена! – взвизгнула Глафира. – Ты суперски смотришься! Рада тебя видеть.

– Мне приятно, что мы вместе работаем, – улыбнулась Алена.

Я страшно удивилась. Это Лапина? Надо же, какая молодая и очень худенькая. На экране телевизора певица кажется более полной и не такой красивой, но сейчас, стоя около нее нос к носу, я поняла, что Алена очень хороша собой. У нее большие, необычного разреза глаза, и потом, эта улыбка, то ли грустная, то ли слегка усталая, однако от нее певица сде-

лалась еще краше. Интересно, я помню Лапину, а как меня зовут – нет!

– Ах, девочки, – засуетилась Катя, – жаль, я фотоаппарата не взяла! Наши звезды рядом!

– Твой новый диск – супер, – взвизгнула Глафира. – Особенно вот эта... трал... та-та-трам!

– Спасибо, – улыбнулась Алена, – ты тоже постоянно хиты выпускаешь. Свин умеет подыскать композитора. Извини, мне пора. Катя, пошли.

– Катя, – быстро попросила Глаша, – ну-ка проверь, все ли у меня в гримерке в порядке. А то в прошлый раз на столике таракан сидел!

Несчастливая Катя растерялась. Казалось, видно, как в ее мозгу крутятся вопросы. Как поступить? Бежать, показывать дорогу Лапиной? Тогда Глафира распахнется, сорвет выступление. Броситься в гримерку к Глафире? Тогда, не дай бог, Лапина обидится.

Мне стало жаль несчастную, ну и работа! Ей-богу, никаких денег не захочется.

Внезапно Алена улыбнулась.

– Вы, Катя, лучше помогите Глаше. Я-то опытная полковая лошадь, не первый день на сцене, меня тараканами не запугать, впрочем, мышами тоже, насмотрелась на гастролях. Клуб ваш я великолепно знаю, сама дорогу на сцену найду. Счастливо, Глаша, успеха.

Высокая, стройная фигура в белых ботфортах стала уда-

ляться по коридору. Я посмотрела ей вслед. Один – ноль в пользу Лапиной. Мало того, что она хороша собой, так еще умна и отлично воспитана. Мигом, с улыбочкой поставила Глафиру на место. Настоящей звезде вовсе не требуется устраивать скандалы, чтобы подтвердить свой статус, всем и так понятно, «ху из ху»!

Красная от злости Глафира ворвалась в гримерку.

– Тоже мне, – гневно воскликнула она, – суперстар, блин! Растолстела, обабилась, жуткий вид! Песни – словно вой мартовской кошки, а туда же! Дома пора сидеть, картошку жарить! Звездица! Ну что встала, Танька, вынимай костюмы! А ты уматывай, мне переодеваться надо, краситься.

Последняя фраза относилась к Кате.

– Конечно, конечно, – заворковала та, – впрочем, Глашенька, ты такая красавица, что и грима не надо!

– Ступай, встречай других, подлиза, – капризным тоном сказала Глафира.

Катю вымело за дверь. Глафира села в кресло и другим, совершенно нормальным голосом произнесла:

– Гляди, чтобы сюда кто из журналюг не пролез с фотоаппаратом.

– Зачем ты так ее отругала, – не вытерпела я, – она же на работе! Некрасиво получилось.

Глаша хихикнула:

– Мне положено звездить. У меня имидж такой – девочка-крик. А еще я много пью, видишь?

Наманикюренный пальчик ткнул в бутылку «Хеннесси».

– Сейчас я ее наполовину оприходуя, – развеселилась

Глафира и, схватив коньяк, стала отвинчивать пробку.

– Ой, не надо, – испугалась я, – тебе же еще работать!

– Имей в виду, – заявила Глафира, – я дебоширка, пьяница, развратница, меняю мужиков каждый день, устраиваю погромы в клубах, хамлю газетчикам...

С этими словами она отхлебнула из горлышка, пополоскала рот, выплюнула коньяк в висевшую на стене раковину, потом вылила туда же примерно полбутылки и вздохнула:

– Пожалуй, хватит. Ну, похожа я на пьяницу?

– Зачем тебе ею прикидываться? – удивилась я, вынимая сценическую одежду.

– Имидж такой.

– Не очень-то приятный.

– Дурочка ты, – вздохнула Глафира, – я – бренд, а всякий бренд делается более ценным от частого упоминания. Надо, чтобы о тебе постоянно писали газеты, вот я и даю им повод.

– Но можно же привлечь к себе внимание творчеством!

Постоянно петь новые песни!

Глаша замерла с разинутым ртом, собралась что-то сказать, но тут в комнату влетела тонкая вертлявая девица.

– Сюда нельзя! – замахала я руками.

– Это моя бэк-вокалистка, – остановила меня Глаша. –

Нина, привет.

В примерную стали без конца вваливаться люди, я кидая-

лась к каждому, но потом перестала, потому что все они оказались свои. Мальчики-танцовщики, музыканты, девчонки из подпевки... Никто никого не стеснялся. Балетные бежали голыми и, матерясь, рылись в сумках, разыскивая белье. Подпевки, не смущаясь, разгуливали топлесс. Натягивая на себя расшитые блестками шортики, они со вкусом обсуждали какую-то Лариску, спешно и весьма удачно вышедшую замуж. Никаких разговоров о высоком искусстве и предстоящем выступлении никто не вел.

Потом народ понесся на сцену, а я, устав от бесконечного застегивания крючков и завязывания тесемок, пошла в туалет, заперлась в кабинке, села на унитаз и пригорюнилась. Таня Рыкова. Отчего это имя и фамилия не вызывают у меня никаких эмоций? Кто я такая? Где жила? Кто мои родители? В памяти сплошной прочерк. И что странно – всякие бытовые привычки остались при мне. Я умею чистить ботинки, гладить юбки. Во всяком случае, только что я справилась с работой. Может, не слишком ловко, но при виде утюга я особо не удивилась. Правда, один из мальчишек обругал меня за то, что я не расправила складки на рубашке. Наверное, там, в другой жизни, я все же была не слишком умелой работницей, но ведь имела какие-то навыки и не забыла про них. Еще я совершенно адекватно веду себя в быту – чищу зубы, натягиваю колготки на ноги, а не на руки. Более того, я узнала Алену Лапину, помню, многократно видела ее раньше, только не вживую, конечно, а на экране телевизора. Но

почему тогда я не могу вспомнить свое имя?

Слезы подступили к глазам. Быстро отмотав кусок туалетной бумаги, я поднесла его к лицу и услышала голос Кати:

– Алло, Леночка, слышишь меня, это мамочка. Как ты там? Ну не плачь, не надо! Детонька, не разрывай мне сердце. Тебе страшно? Хорошо, включи кассету, ну ту, про веселого поросенка. Нет, я не могу сейчас приехать, ты же знаешь, мамочка на работе. Ну кто же нам с тобой денежек даст? Мы же одни, куколка. Думаешь, мне тут хорошо? Ужасно, зайчик. Я тебе принесу что-то вкусное. Салат «Цезарь» и пирожные, куплю и положу в коробочки. Как всегда, в восемь утра... Я успею отвезти тебя в школу. У нас сегодня Алена Лапина. Да, она очень милая, подписала тебе свой диск. Алена любит детей, ее доченька тоже дома сидит и не плачет, знает, что мама с работы придет. Не хнычь, моя ласточка. Многие девочки ждут мам со службы. А еще Глафира. Нет, она противная, ужасно! Согласна с тобой: глупая, безголосая коза! Конечно, полный отстой, но народ-то на концерты ломится. Ну все, я побежала, не плачь, не рви мне сердце.

Голос смолк. Решив, что Катя ушла, я вышла из кабинки и тут же увидела администраторшу, нервно курившую окошка. Взгляд Кати наткнулся на меня.

– Э... Танечка, – в изнеможении воскликнула она, – вы тут сидели, в кабинке?

– Ну да, – пробормотала я, ощущая себя глупее некуда.

– Вы слышали мой разговор с Леночкой?

– ...а ... да ... то есть нет!

Катя схватила меня за руку.

– Я вовсе не считаю Глафиру безголосой козой. Я очень люблю ее, она супер, классная, дико талантливая, настоящая стар! Это дочка моя так говорит. Девочке двенадцать лет, подростковый возраст, сидит все время одна, вот я и согласилась с ней, хотела сделать ребенку приятное... Танечка, милая, не рассказывайте Глаше. Она скандал поднимет, меня выгонят. Я совсем не люблю Лапину, я обожаю Глафиру. Понимаете, я поднимаю девочку одна, без мужа, отвечаю в клубе за эстрадную программу, а певцы такие... ну... в общем...

Губы у Кати задрожали, в глазах заблестели слезы.

– Я работаю у Глаши первый день, – быстро сказала я, – и вовсе не являюсь ее подругой. О чем вы говорили, я не слышала. Поняла вроде, что Алена Лапина вашей девочке диск подписала, разве это запрещено?

Катя швырнула окурок в форточку.

– Спасибо, – тихо сказала она, – имей в виду, понадобится моя помощь, приходи. У меня записные книжки толщиной с пятиэтажный дом. Почти все телефоны звезд имею. Ты никого отыскать не хочешь?

Я вздохнула. Очень хочу, себя. Но как сказать подобное Кате?

– Да нет, спасибо.

Катя кивнула и убежала, а я пошла в гримерку.

Из «Мячика» Глафира переехала в «Сто кило», а оттуда в «Синюю свинку». Везде повторялось одно и то же: крик на администраторов, нежные поцелуи с другими певицами, суета закулисья, вылитый из бутылок коньяк, мат балетных, глупое чириканье подпевок.

Около шести утра Глафира, еле-еле передвигая ноги, ввалилась в свою квартиру, рухнула в кресло, вытянула ноги, втиснутые в сапоги на километровой шпильке, и простонала:

– Чаю! С лимоном!

Я приволокла требуемое и спросила:

– Зачем же так убивать себя! Три концерта подряд! С ума сойти.

– Да уж, – вздрогнула Глаша, – на Западе певицы дисками зарабатывают, имеют отчисления от продаж, а у нас горлом, концертами да чесом по провинции.

– Но вроде и в России дисками торгуют.

– Ага, – кивнула певица, – пиратскими. Никаких денег с них не слупить. Вот я и стебаюсь по сценам.

– Можно же один концерт дать!

– А деньги?

– Всех не заработаешь.

Глаша фыркнула:

– Верно. Век певицы короткий, в полтинник ты уже никому не нужна. Следовательно, надо себя сейчас обеспечить до смерти. Квартиру я купила, дом достраиваю. Потом соби-

рать бабло начну, чтобы на пенсии не геркулес жрать и не на метро ездить, и...

Не договорив фразы, Глафира внезапно уснула, прямо в одежде, сапожках и с макияжем на лице.

Я осторожно раздела звезду, прикрыла пледом, потом притащила из ванной косметические сливки и стала стирать вызывающий макияж с ее лица. Огромные губы Глаши стали меньше, под румянцем обнаружилась бледная кожа, под глазами проступили синие круги.

– Отвяжись, – прошептала Глафира.

– Давай в постель тебя отведу.

Глаша встала, словно зомби, дошагала до спальни и, рухнув лицом в подушку, сообщила:

– Подъем в два часа дня.

Я вернулась в гостиную, собрала одежду, аккуратно развешивала ее в гардеробной и глянула в большое зеркало. Кто вы, Таня Рыкова? Убийца Сергея Лавсанова, мерзкая воровка или несчастная женщина, спасавшаяся от насильника? Где мои родители? Была ли у меня любовь? О чем я мечтала? Над чем плакала?

Внезапно зазвенел звонок, я бросилась к двери.

– Хай, – рявкнул Свин, вваливаясь в квартиру, – где звезда?

– Спит, а вы почему в такую рань на ногах?

– Ездил тут по делам, – загадочно ответил Свин, – значит, так, я пойду душ приму. А ты, котя, мне кофею сваргань да

бутербродиков настрогай. Усекла?

Я кивнула, продюсер исчез в ванной, оттуда послышался шум воды и бодрое уханье. Я хотела открыть холодильник, но тут взгляд упал на пиджак из льна, который Свин швырнул прямо на стол. Не понимая, что делаю, я схватила его и вытащила из внутреннего кармана роскошную книжечку с золотыми застежками. Перелистала странички, нашла нужную. «Рыкова Татьяна» – было написано в самом низу, дальше шел адрес и телефон.

Я быстро захлопнула книжку, сунула ее на место и кинулась к шкафчику, в котором стояла банка с кофе. Не верю Свину, хочу сама узнать, кто же я такая.

ГЛАВА 4

Свин уехал около девяти утра. Заперев за ним дверь, я бросилась к телефону и набрала номер.

– Але, – прокашляли из трубки.

– Мне Рыкову.

– Кого?

– Рыковы тут живут?

– Кто?

– Рыковы!

– Лыковы?

– Рыковы.

– Быковы?

– Рыковы! – заорала я. – Рыковы!

– Сначала сообрази, кто нужен, а потом людям мешай, – последовал ответ.

Я повторила попытку.

– Алле.

– Позовите кого-нибудь из Рыковых.

– Зачем?

– Они здесь живут, да? – обрадовалась я.

– И на фиг трезвонишь, – забубнил голос.

Внезапно мне стало понятно: говорящий вусмерть пьян.

– Позовите кого-нибудь из Рыковых.

– У Зинки спрашивай.

– А это кто?

– Так соседка, – заплетающимся голосом сообщил мужик. – Ейная комната слева от двери, а моя справа.

– Позовите ее, – я решила пообщаться с нормальным, трезвым человеком.

– Кого?

– Зину!

– На работе она.

– Не подскажите, где Зина служит?

– А здесь, внизу.

– Внизу?

– Ага, у нас на первом этаже супермаркет, полы она там моет.

– Как фамилия Зины?

– Зинкина?

– Да.

– Фамилие?

– Да.

– Ну, Кондратьева она.

Я положила трубку. Надо действовать. Спать мне, прошедшей всю ночь на ногах, совершенно не хочется, Глафиру нужно будить в два. Улица, на которой жила Рыкова, расположена в центре. Интересно, а где сейчас нахожусь я сама? Взяв с крючка ключи, я, поколебавшись секунду, залезла в сумочку Глафиры и вытащила из бумажника сто рублей. Нехорошо, конечно, но я вернусь и расскажу певице о совер-

шенной мною мелкой краже. Так, что еще надо не забыть?

Внезапно в голове всплыло слово «мобильный». Я машинально протянула руку к серебристому телефончику, валявшемуся на тумбочке, и тут же ее отдернула. Это сотовый Глафиры, у меня нет своего аппарата, но, похоже, в той, пока не припомненной, жизни он был, иначе с какой стати, собираюсь на улицу, я вспомнила про него?

Угол дома Глафиры украшала табличка. Я внимательно, целых три раза прочитала название улицы и моментально сообразила: нахожусь в самом центре Москвы, чуть поодаль – метро «Тверская», а место, где расположена квартира Рыковой, – буквально в двух шагах. Вот тут, если взять левее, есть проходной двор, я когда-то бродила здесь, но, убей бог, не помню, с какой целью.

Ноги понесли меня вперед, показалась огромная арка, за ней дворик с чахлой московской травкой и поломанными качелями. Между мусорными баками виднелся проход.

Миновав нестерпимо воняющие контейнеры, я оказалась в переулке. Сердце сжалось, память меня не подвела, вот она, нужная улица. Значит, мой мозг работает нормально, почему же я не могу вспомнить ни своего имени, ни фамилии, ни адреса, ни места работы – ничего?!

При входе в супермаркет маячил охранник.

– Не подскажете, где найти Зину? – тихо спросила я.

– Это кто? – зевнул парень.

– Уборщица. Ее фамилия Кондратьева.

– В зале ищи, – велел секьюрити.

Я стала ходить по магазину, заставленному холодильниками и стеллажами. Наконец на глаза мне попала тетка в оранжевом фартуке и со шваброй в руках.

– Вы Зина? – обрадовалась я.

– Нет, я Маша, – ответила баба, – Зинка в подсобке.

– Это где?

– Туда ступай, за железную дверь.

Поплутав немного по «закулисью» супермаркета, я отыскала крохотную каморку. За столом пила чай толстая женщина лет шестидесяти.

– Здравствуйте, – сказала я.

– Добрый день, – вежливо ответила полумойка.

– Мне нужна Зина Кондратьева.

– Я – она и есть, а чего случилось?

– Можно мне сесть?

– Плюхайся, – кивнула Зина, – стул не куплен.

– Вы живете в одной квартире с Рыковыми?

Зина скривилась.

– Вот несчастье! Горе горькое.

– Таню знаете? – Я осторожно начала прощупывать почву.

– Таньку-то? А ты кто ей будешь?

– Ну... в общем, понимаете, мы родственники, дальние.

Вот я приехала в Москву, у меня адрес был и телефон, – принялась я придумывать на ходу.

Зина усмехнулась:

– А! Значит, не знаешь ничего?

– Нет.

– Ленька-то жив.

– Это кто?

– Так мучитель Танькин. А Анька преставилась!

– А она кто?

– Слушай, – нахмурилась Зина, – какая же ты им родственница, коли никого из своих не знаешь, а? Ну покажь паспорт. Чего вынюхиваешь?

Внезапно я сообразила, как мне действовать.

– Ладно, я неудачно соврала, просто мне не хотелось шум поднимать. Меня зовут Глафира.

– И дальше? – насупилась Зина.

– Таня Рыкова после суда была определена в нашу больницу, я врач из психиатрической лечебницы.

Зина заморгала.

– Да ну?

– Таня хорошо себя вела, – бодро врала я, – вот я и ослабила за ней контроль, а Рыкова возьми и убег.

– Во блин! – всплеснула руками Зина.

– Совершенно с вами согласна, – кивнула я, – положение ужасное. Очень боюсь за свою карьеру, поэтому о побеге пока никому не сказала ни слова. Главврач в отпуске, но мне надо до его возвращения найти Таню. Честно говоря, я подумала: вдруг она домой пришла? Кстати, нет ли у вас ее фотографии и когда вы видели Таню в последний раз?

– Давно, – ответила Зина, – я на суд ходила. Уж как мне ее жалко было! Обревелась вся. Сначала, правда, обрадовалась, когда услышала, что ее не на зону, а в дурку сунули, только потом знающие люди объяснили, что лучше в тюрьме сидеть, чем в психушке. Эх, бедная Танька! А гад даже не явился!

– Кто?

– Родитель ее, Ленька. Вы вообще чего про нее знаете?

– Ну, она убила мужчину, Сергея Лавсанова, вроде из-за денег.

– Ой нет, – затрясла головой Зина, – не так дело-то было, вот послушай.

Зина всю свою жизнь провела в коммуналке. Квартира небольшая, всего две комнаты, одна принадлежала Рыковым, а другая Кондратьевым. Семьи между собой не конфликтовали. Зина, рано оставшаяся без родителей, работала дворником, Леонид и Анна служили лифтерами. У Рыковых была дочь, Таня, совершенно забитая отцом и брошенная матерью. Зина даже пару раз делала замечание Анне, услышав детские крики, доносившиеся из комнаты Рыковых:

– Скажи Леониду, что нельзя так ребенка истязать.

Аня, сама вечно ходившая в синяках, низко опускала голову.

– Он отец, добра ей хочет, вот и учит.

«Ученье» Леонид применял лишь одно: ремень. Впрочем, иногда пускал в ход и просто кулак. Таню он лупил за все: за двойки, невымытую посуду, забытый свет в ванной. Дня

не проходило, чтобы девочка не получала тумачи, затрещины, оплеухи, тычки. Впрочем, жизнь Ани была не лучше, наверное, поэтому она рано умерла. Леонид остался с дочкой и удвоил «воспитательные» меры. Несколько раз, видя, как Таня смывает в ванной кровь с лица, Зина в негодовании говорила: «Надо немедленно вызвать милицию!» Услышав гневный возглас соседки, Танюша моментально цеплялась за Зину и умоляла: «Ой, не звоните в отделение. Отца заберут на два часа, отметелят и отпустят, он потом меня совсем убьет».

Школу Таня не закончила, да и о каком учении могла идти речь, если дома вас ожидает каждый день плеть?

С шестнадцати лет Таня работала в людях – мыла полы, готовила. Она отличалась абсолютной честностью, была пуглива, немногословна, страшно боялась грубого окрика и к тридцати годам напоминала семилетнюю девочку, не внешне, конечно, а реакцией на окружающих. Еще Танечка часто спрашивала у людей: «Вы на меня не сердитесь?» – и, услышав: «Нет, конечно», бросалась целовать того, к кому был обращен вопрос.

Леонид, старея, делался все злее и теперь бил дочь просто так, без всякого повода.

– Уходи от него, – советовала Зина Тане, – пусть один кукует.

– Куда? – грустно спрашивала та. – Я зарабатываю копейки. Своей квартиры мне не купить.

– Авось он помрет скоро, – не выдержала один раз Зина, – вон красный какой делается, когда визжит. Лопнет жила в шее, и ты свободна.

– Что ты, Зина, – испугалась Таня, – нельзя родному отцу смерти желать, это грешно.

– А дочь колотить не грех? – обозлилась Зина. – Дай ему разок в ответ сковородкой по башке, живо притихнет.

– Грешно отца ударить.

– Значит, ему можно, а тебе нельзя?

– То его грех, – ответила Таня, – не мой.

– Ты юродивая, – сплюнула Зина, – на всю голову больная.

Таня только вздохнула.

А потом ей безумно, фантастически повезло. Одна из дам, квартиру которых убирала Танечка, порекомендовала честную и трудолюбивую горничную своей знакомой, которая жила с бизнесменом Сергеем Лавсановым.

Таня уехала жить в коттедж. Через месяц она явилась домой, и Зина не узнала ее. Таня похорошела, постриглась, приделась. Она даже начала пользоваться косметикой, а в ее ушах висели красивые сережки.

Леонида в этот момент не было дома. Танечка села вместе с Зиной на кухне и рассказала о своем счастье.

Живет она в отдельной комнате, с телевизором. Работы немного: уборка, готовка и уход за собаками. Сам хозяин не пьет, к прислуге относится уважительно, платит раз в неделю хорошие деньги. Танечке разрешено есть все без ограниче-

ния, а еще она может пользоваться бассейном и баней. Кроме того, Сергей делает ей подарки, недавно принес сережки.

– Небось в кровать уложить собирается, – хмыкнула циничная Зина, – смотри, не продешеви. Ишь, за серьги хочет тобой попользоваться. Пусть платит, тебе квартира нужна.

– Нет, – улыбнулась Танюша, – моя хозяйка Настенька красивая очень. Они с Сергеем пожениться хотят. Просто он такой добрый. Как мне повезло!

Тут явился Леонид.

– Ах ты фря, – с порога заорал мужик, – разоделась, разчихвостилась! Деньги принесла?

Танечка дрожащими руками полезла в сумочку. Отец схватил дочь за шею и поволок в комнату, Зина убежала к себе.

Примерно через час Зина, услышав шум в прихожей, высунулась наружу. Танюша, растрепанная, с кровавой ссадиной на лице, открывала дверь.

– Не приходи больше, – посоветовала ей соседка.

– Жалко его, отец все-таки, – прошептала Таня и ушла.

Зина топнула ногой от злости. Нет, Танька просто блаженная! Ее лупят, а она подставляет щеки.

Чтобы успокоиться, Зина включила телевизор и стала смотреть сначала сериал, потом новости, следом американский боевик и опять информационную программу...

Ба-бах – донеслось из прихожей. Решив, что Леонид уронил вешалку, Зина выскочила из комнаты и чуть не умер-

ла от страха. Входная дверь открыта, в коридорчике стоят несколько широкоплечих, коротко стриженных парней в кожаных черных куртках.

– Ты кто? – коротко спросил самый старший по виду.

– Кондратьева Зина, – прошептала женщина.

– Где Леонид?

– Там, – указала Зина на дверь соседа.

Один из пришедших легко, словно бумажный листок, снес плечом створку.

– Это что? – заорал Леонид, вскакивая с дивана.

И тут началось! На глазах у изумленной, боявшейся пошевелиться Зинаиды неожиданные гости стали крушить комнату Леонида. Двое ломали мебель, били посуду, окна, люстру. Трое колошматили мужика – молча, со знанием дела. Главарь стоял около Зины. Десять минут понадобилось банде на то, чтобы превратить помещение в руины, а хозяина в кровавое месиво.

– Хорошо, – скомандовал главарь, – бросай его.

Наподдав Леониду в последний раз, троица швырнула мужика прямо в груды битых черепков.

– Ты, придурок, – велел главный бандит, – а ну садись, урод!

Леонид мигом выполнил приказ. Старший схватил его за волосы, дернул голову назад и сказал:

– Имей в виду, отморозок: это всего лишь предупреждение. Если еще раз тронешь Таньку, убьем. Хозяин не любит,

когда его служащих обижают, сообразил?

– Да, – еле выдавил из себя Леонид.

Бандит плюнул в лицо Рыкову, отпустил его волосы, вытер руку о брюки Леонида, потом вытащил из кармана кошелек, выудил оттуда несколько зеленых бумажек, протянул их Зине и сказал:

– Извини, мамаша, натоптали тебе в прихожей, вымой за нами. А уроду не помогай, не надо. Пошли, пацаны.

Не произнеся ни слова, парни испарились. Главарь вышел последним, аккуратно закрыл входную дверь и запер ее снаружи то ли ключом, то ли отмычкой.

С того дня Леонид стал ниже травы, тише воды, а Таня дома не появлялась. Зина даже перестала вспоминать соседку, но потом случилось непредвиденное.

Кондратьевой позвонили из милиции и огорошили. Таню арестовали, она убила хозяина, Сергея Лавсанова, и очутилась в сизо. Ей можно передать продукты.

Зина развила бешеную активность. Ей даже удалось получить разрешение на свидание с Танюшей. Соседка чуть не заплакала, увидав Рыкову за стеклом. Таня осунулась, почернела, выглядела просто ужасно.

– Ну зачем ты его ножиком била! – воскликнула Зина.

– Он меня изнасиловать хотел.

– Так и согласилась бы.

– Нет.

– Господи, – заорала Зина, – лучше пойти с мужиком в

койку, чем в тюрьму!

– Это случайно вышло, просто я психанула, – монотонно, словно автомат, бубнила Таня.

– Милая моя, – зарыдала Зина, – что теперь будет?!

Таня промолчала.

Затем был суд, приговор и клиника. Зина больше не встречалась с Таней, жизнь Кондратьевой течет по-прежнему, Леонид пьет.

Зинаида замолчала, я вздохнула.

– Простите, не подумайте, что я сумасшедшая... Вы меня случайно не знаете?

– Кого? – распахнула глаза Зина.

– Меня.

– Тебя?

– Да. Может, встречали? Я никогда не жила с вами в одной квартире?

– Нет.

– И не имела отношения к Рыковым?

Зина отодвинулась к стене.

– Говоришь, в психушке служишь? Заразилась, что ли?

– Ну, пожалуйста, я понимаю, что задаю идиотские вопросы. Я не Рыкова?

– Господь с тобой! Нет.

– И меня не зовут Таней?

Зина перекрестилась.

– Нет.

– Вы уверены в этом?

– Абсолютно.

– Но вы сказали, что я похожа на Таню.

– Только слегка, да и то не очень.

– Я не Рыкова?

– Нет!!!

Зина вскочила.

– Мне пора пол мыть, пошли отсюда.

Очутившись на улице, я побрела домой. Значит, не Таня Рыкова. А кто? Господи, кто я? Как меня зовут?

ГЛАВА 5

Глафиру я разбудила вовремя.

– Который час? – прогундосила певица.

– Два.

– Чего?

– Что ты имеешь в виду?

– Два чего? Ночи?

– День на улице.

Глафира зевнула и, не поднимая головы, продолжила:

– Что сегодня?

– День, – повторила я.

– Какое расписание! – начала злиться хозяйка.

– Не знаю.

– Ежедневник возьми.

– Где он?

– На столе. Открой и читай.

– Какое сегодня число?

– Понятия не имею. Смотри на июнь.

– Клуб «Мячик».

– Это вчера было.

– Тогда зал «Одеон», день рождения Муры.

– Блин! – заорала Глафира, взмываясь над кроватью. –

Нам пора! Кофе! Тосты!

Я рванула на кухню.

– Мармелад! Сыр! – летело мне вслед.

Я приволокла поднос.

– Включи телик.

Я кинулась за пультом.

– Готовь ванну.

Меня понесло по коридору.

– Стой, еще кофе!

Пришлось лететь назад.

– Халат! Живей!!!

Я притащила розовый пеньюар.

– Ванну налей.

Наконец Глафира плюхнулась в воду и стала болтать с кем-то по телефону, я отправилась заправлять ее огромную, похожую на Среднерусскую возвышенность постель. Валики, подушки, думочки, плюшевые игрушки, гора глянцевого женских журналов...

– Супа хочу! – завизжала Глафира.

Я заглянула в ванную.

– Что?

– Сделай мне суп из щавеля, – велела певица, ныряя с головой в джакузи.

– Из щавеля? – растерянно повторила я, потом отправилась на кухню, распахнула холодильник и обозрела полки. Несколько пластиковых лоточков с покупными салатами, баночка черной икры, миска с клубникой и пара просроченных йогуртов. Ночью тут еще лежал сыр, но его слопал Свин. Ни-

чего похожего на щавель в рефрижераторе не нашлось.

– Не могу сварить суп, – сообщила я, вернувшись в ванную.

Глафира умыла лицо, покрытое какой-то темно-фиолетовой жижой, и с изумлением воскликнула:

– Почему? У тебя что, паралич рук?

– Слава богу, нет, но из чего суп делать? Никаких овощей нет, и щавеля тоже!

В тот же миг мне о лицо шмякнулась мокрая губка.

– Дура, – ласково сказала Глафира, – ступай в супермаркет, он тут недалеко, через два дома, купи нужное и приготовь. Деньги в кошельке. Ясно?

Я кивнула и отправилась в магазин. В овощном отделе нашлись необходимые корнеплоды, и, что отрадно, они продавались уже очищенными, уложенными в вакуумную упаковку. На длинной полке лежали и пакеты со щавелем. Однако на них не было даты изготовления.

Я вытасила один мешочек, постаралась разглядеть, не запихнули ли внутрь гнилье, но не сумела. Тут я увидела чуть поодаль бабу в оранжевом халате, подошла к ней и недовольно спросила:

– Это когда запаяли? Щавель там не стух?

– У нас все только самое свежее, – ответила женщина, обернулась, и я узнала Зину.

– Опять ты! – воскликнула уборщица и отложила тряпку. – Теперь чего от меня надо?

– Ничего, я за овощами пришла!

– Можно подумать! Небось вынюхиваешь что-то! Решила проследить за мной.

– Зачем бы мне это делать, – слабо отбивалась я, – просто живу неподалеку, вот и прибежала за припасами.

– Да я тут сто лет со шваброй гоняю, – обозлилась Зина, – еще с тех пор, когда здесь гастроном советский был! Что-то тебя ни разу не встречала!

– Я недавно приехала.

– И когда же?

– Вчера.

Зина стащила с рук голубые резиновые перчатки и тихо сказала:

– Ладно. Я давно уже поняла, в чем дело. Значит, Таня сбежала из дурки?

– Да.

– А тебе, понятное дело, мигом доложили, и теперь ты дрожишь, боишься, как бы она в ментовку не заявила и правду не растрепала?

– Вы о чем?

Зина посмотрела по сторонам, убедилась, что рядом никого нет, и осторожно сказала:

– Говоришь, врачом в психушке работаешь?

– Ну... да.

– Брехня. Я знаю, кто ты! Очень хорошо тебя тогда разглядела.

– Мы встречались раньше, – обрадовалась я, – где? Вам известно мое имя?

– Я тебя помню, – фыркнула Зина, – а уж ты-то меня навряд ли, Настюха.

– Настюха? Это кто?

– Хватит придуриваться, – резко сказала Зинаида, – Анастасия. Разглядела я тебя тогда, хоть ты морду прятала.

Я ощутила легкое головокружение.

– Анастасия? Морду прятала? Когда? Где?

Зина прищурилась.

– Ты за овощами пришла?

– Да.

– Плати и уходи. В сквере встретимся, через дорогу.

Плохо понимая, что происходит, я пошла к кассе.

На улице стало совсем душно, Зина сидела на скамеечке под большим раскидистым деревом.

– И не жаль тебе Таньку? – резко спросила она. – Имей в виду, я все знаю, она мне на свидании тогда рассказала правду.

– Какую?

Зина высморкалась, бросила под лавку бумажный платок и крякнула.

– Ну ладно, сама напросилась. Никакой ты не доктор. А то я дура и не понимаю, что в психушке так просто побег заключенной не скрыть. Небось уж все там на ушах стоят. Та же тюрьма, только охрана пожиже. Ну ты и набрехала! Зо-

вут тебя Анастасия, ты с Сергеем Лавсановым жила, нерасписанной. Он тебя женой считал, но штамп в паспорте не ставил. И это ты любовника ножичком пырнула, а не Танька!

По моей спине пополз холодок.

– Я?

– Ты, – сурово сказала Зина, – мне Таня призналась. Она свидетельницей была. Ты в кухню влетела и Сергея пырнула.

– Я?

– Ты! А потом Таню уговорила на себя вину взять. Адвоката ей пообещала, квартиру купить. Только Танька бы тебе все без денег сделала. Она дура благодарная, идиотка. Ты ее пригрела в доме, вещи ей дарила, вот она за сестру тебя и считала. Правда, ты ее не обманула, законника дорогого взяла, и он сумел Таньку в дурку определить. Теперь ты испугалась, сбежала Танюха-то, вдруг в ментовку явится и расколется. Небось поняла моя соседка, что дурака сваяла, в психушке-то несладко.

У меня закружилась голова.

– Где же мы с вами встречались?

Зина удовлетворенно улыбнулась:

– А в легавке. Я на стуле перед кабинетом сидела, вызова к следователю ждала, а ты оттуда выскочила. Лицо, правда, платком занавесила, но тело-то не скроешь! Я живо узнала тебя: тощая, прям доска, в брюках, волосы светлые, дыбом торчат. Я-то за тобой в комнату вошла и чуть не задохнулась, так духами воняло, ну и попросила следователя: «Извините,

нельзя ли окошко приоткрыть, аллергия у меня, а у вас такой одеколон едучий, да и облились вы им с головы до ног».

А он мне спокойно ответил: «Окна открыть не могу, а парфюмерией не брызгаюсь, это гражданка Анастасия Звягинцева, сожительница Лавсанова, надушилась. Надо же, какие противные духи, прямо в носу засвербело».

Я, не прощаясь, развернулась и пошла прочь. Ноги еле довели меня до дома.

– Тебя только за смертью посылать! – Глафира встретила меня сердитым криком. – Где мой суп?

– Сейчас сварю, – засуетилась я.

– Времени даю пятнадцать минут, – рявкнула она, – у нас потом стилист, концерт, хренова туча дел!.. Живо верти задом!

Я встала над кастрюлей, повторяя про себя на все лады: Настя, Анастасия, Настюша, Ася, Настюня... Нет, никаких эмоций это имя у меня не вызывало.

– Ну, готов супец? – уже мирно осведомилась Глаша.

– Да, – кивнула я.

– Вон там термос стоит с широким горлом, – распорядилась хозяйка, – перелей в него и бери с собой, в гримерке схаваю.

Прозвенел звонок.

– Давай живей, – завизжала Глафира, – я опаздываю! Митька приехал, шофер!

– Ты же вроде сама машину водишь? – удивилась я.

– Не всегда, – насупилась Глафира, – на концерты меня водитель доставляет, вчера я его на выходной отпустила. Должен же человек хоть иногда отдыхать...

Я умилилась: все-таки Глафира, несмотря на крикливость и капризность, добрая девушка, позаботилась о шофере, отпустила парня, сама за руль села.

– ...он у меня с Нового года выходной выпрашивал, – добавила певица, – вот и получил денек.

Я разинула рот. С Нового года? А сейчас июнь! Нет, похоже, Глаша не слишком мягкосердечный человек.

В салон красоты мы прибыли с помпой. «Мерседес» въехал прямо на тротуар, распугав прохожих, и замер у подъезда, над которым золотом горела вывеска: «Студия красоты». Митя выскочил, распахнул дверцу, Глафира аккуратно выставляла наружу одну ногу, вторую, потом вылезла из машины и осмотрелась по сторонам. Возле «мерса» потихонечку скапливалась толпа.

– Вау, – крикнула какая-то девчонка, – ой, смотрите кто! Ой, ой! Она к Перову приехала! Ребята, глянь! Вон стоит! Дайте автограф, ну, пожалуйста! Плииз!

Глафира милостиво кивнула и прошебетала:

– Иди-ка сюда!

Вмиг к машине подскочила девчонка лет пятнадцати. На ее макушке дыбились разноцветные прядки, в ушах позвякивало несметное количество сережек, толстую попку обтягивала коротенькая джинсовая юбочка, грудь подчеркивала

ядовито-розовая кофточка стрейч.

– Я вас обожаю! – кричала девчонка.

На лице Глафиры появилось выражение глубокого удовлетворения.

– Ах, как меня достали фанаты, – прочирикала она, томно закатывая глаза. – Митя, нашарь там диск.

Шофер услужливо протянул ей пластмассовую коробочку. Глафира быстро расписалась на вкладыше и сунула диск фанатке.

– Ой, – зашлась та в восторге, – ой!..

Но тут радостное выражение вдруг стало сползать с лица девчонки.

– Глафира, – прочитала она медленно, – Глафира и группа «Сладкий кусочек». Это вы?

– Ну да, – пожала плечами певица, – а ты кого ждала?

– Я думала, вы Марина Хлебникова, – расстроено сообщила девчонка, – я от нее фанатею, прямо дрожу, как голос услышу.

– Говорили же тебе, что это не она, – послышался из толпы хриплый писк, – Хлебникова-то темненькая, маленькая, всегда на каблуках, глаза у нее огромные. А эта словно мышь белая!

Глафира посинела, потом выхватила у растерянной фанатки диск, швырнула его на асфальт, раздавила ножкой, обувью в замшевую туфельку, и, не говоря ни слова, ринулась в салон. Я кинулась за ней.

Мы очутились в просторном холле, обставленном как гостиная в гареме. Повсюду ковры, мягкие, заваленные подушками диваны, низкие кресла, столики, пуфики...

Глафира обвалилась на оттоманку и с чувством произнесла:

– Козлы! Ослы! Суки!

– Глашенька, солнышко, – донеслось из глубины помещения, и на середину комнаты выскочило существо в розовых брюках со стразами и кислотно-лимонной блузке с обильной вышивкой, – моя кисонька, дай поцелую, чмок, чмок, чмок.

Я с интересом смотрела на видение. Это мужчина или женщина? По голосу не поймешь – он довольно высокий, но хриплый. Длинные волосы явно стали кудрявыми от химической завивки, да и ярко-рыжий цвет они, скорей всего, имеют не от природы. Глаза подведены синей тушью, руки украшены звенящими браслетами. Ага, это дама. Но тут мой взгляд переместился ниже. Но, простите, где же вторичные половые признаки? Никаких намеков на бюст под тошнотно-лимонной блузкой не наблюдалось. Следовательно, это парень. Но тут я заметила, что щиколотка мужика украшена цепочкой, а из сандалий высовываются пальцы с ногтями, покрашенными лаком интенсивно-синего цвета. Все же это женщина. Впрочем... обувь без каблука и, похоже, размера сорок третьего, никак не меньше.

– Лися, – заорала Глафира, – это ужасно!

– Кто обидел мою кисоньку? – всплеснуло руками суще-

ство.

– Меня спутали с Хлебниковой, – принялась рыдать Глаша. – Козлы! Уроды!

Существо стало утешать певичку, я, никем не замеченная, робко жалась в углу. Лися! Опять непонятно: он или она?

Через несколько минут в «гареме» появилось несколько девушек, одетых в розовые халатики. Приседая и кланяясь, они повели Глафиру в глубь помещения.

– Люди – сволочи, – кричало ей вслед создание непонятного пола, – как они могли тебя спутать?! Тебя! Суперстар! Мегазвезду! Впрочем, признаю, я виноват! Ошибся!

Я вздохнула, оно – мужчина, ну кто бы мог подумать!

– Фатально лажанулся, – визжал Лися, – следует капитально менять имидж! Может, рискнем, дуся? Ну, решайся.

Глафира притормозила:

– А Свин?

– Мы же можем назад раскрутиться, – сообщил стилист, – давай пойдем на компромисс. Я тебя делаю так, как вижу, а потом мы зовем Свина и смотрим на его морду лица. Ну же, лапа, не дрожи! Вспомни лучше, что с Асей произошло? Народ стены крушит, а мы всего-то цвет волос подправили! Давай, давай, иди голову мыть! Мегасуперстар! Ты лучшая! Вау! Самая классная! О-о-о!

Глафира ушла, стая розовых девочек побежала за ней. По-прежнему не замечая меня, Лися вынул мобильный и другим, совершенно нормальным голосом сказал:

– Анечка, извини, Глафира приехала. Да, маловероятно. Она тут надолго зависнет. Прикинь, ее сейчас при входе в салон спутали с Хлебниковой. И теперь эта звездища, Глашка, полагает, что, покрасившись в другой цвет, она станет еще звездее. Просто цирк! Отчего им в голову не приходит, что надо просто хорошо петь, а не выть три ноты? Не в прическе-то дело! Знаю, знаю, извини, дорогая, депрессуха у меня, народа нет, шоу-биз попер к Маркову, он теперь вроде первый, а я с горы съезжаю. Ладно, пойду Глафиру обхаживать, кошку драную. Целую, милая. Ой, погоди, промурлыкай мне какой-нибудь Глафирин хит, чтобы я изобразил фаната. Как? «Ты меня не хватай ногами»? О боже, что только не поют!

Хлопнув крышечкой, он засунул телефон в карман, откашлялся и пропел:

– Ты-ы-ы меня-а не-е хватай нога-а-а-ами!

Потом покачал головой.

– Жуть черная! Ты-ы меня-а не-е хватай нога-а-а-ами! Бегу, звезда моя, тороплюсь. Слушай, эта песня просто вау! Ты-ы ме-еня-а не хва-а-атай нога-ами! Обожаю ее!

Распевая во все горло, Лися скользнул в боковую дверь. Я вышла из-за колонны и села на диван. Чем больше нахожусь рядом с Глафирой, тем меньше нравится мне ее окружение. Интересно, кем я была в другой жизни?

ГЛАВА 6

– Хотите кофе или чаю, – тихо спросила вошедшая в приемную женщина, – вы сопровождаете Глафиру?

Я кивнула:

– Не помешаю, если присяду тут?

– Что вы, – улыбнулась женщина, – меня Лиза зовут, а вас как величать?

Я растерялась. Таня? Настя? На какое имя принесет мне паспорт Свин? Ну кто бы мог подумать, что на простой вопрос: «Как вас зовут?» – я не сумею сразу дать ответ.

– Можно взять журнал? – я быстро перевела разговор на другую тему.

– Конечно, – кивнула Лиза, – но они очень старые. Хотите принесу поновей? Мы их в парикмахерской кладем.

– Нет, нет, эти тоже подойдут.

– Да они за позапрошлый год, – улыбнулась Лиза, – давно выбросить пора, только все недосуг.

– Ерунда, мне без разницы!

– Кофе желаете?

– Вам нетрудно?

– Это моя работа, – улыбнулась Лиза, – со сливками?

– Лучше чай с лимоном, кстати, меня Таней зовут!

– Сию секунду, – кивнула Лиза и ушла.

Я стала вяло перелистывать яркие страницы. В голове вер-

телось неотвязно: Настя Звягинцева... Настя... Неужели это я! Настя Звягинцева!

– Я поняла: вам не хотелось мне представляться настоящим именем, и я очень рада, что вы все-таки решились, – сказала Лиза, ставя на столик красивую фарфоровую чашечку.

Я вздрогнула. Надо же, я задумалась и не заметила, как администратор вернулась в приемную.

– Вы о чем?

Лиза мягко улыбнулась.

– Сами же сейчас довольно громко сказали: «Настя Звягинцева».

Я плотно стиснула зубы, однако мне следует быть осторожнее и не увлекаться обдумыванием ситуации до потери бдительности.

– Вы меня не помните? – тихо спросила Лиза.

– Нет.

– Ну да, понятно, – вздохнула администратор, – я раньше в клинике Потапова работала, вы туда лечиться приходили, когда голос пропал.

– Извините, ошибка вышла. Я не Настя Звягинцева, просто мне вспомнилась эта девушка. Меня зовут Таня, и голоса я никогда не теряла, очень хорошо говорю, слышите?

Лиза моргнула:

– Понимаю, вы не бойтесь, я никому не расскажу.

– О чем?

– Да о вас.

– Обо мне? Что же такого плохого я сделала?

– Ничего, – пожалала плечами Лиза и попыталась уйти, но я схватила ее за руку.

– Раз начали, договаривайте. Что вы про меня знаете?

– Сущую ерунду.

– А именно?

Лиза нахмурилась:

– Вам не надо бояться, узнать вас трудно, вы сильно изменились, постарели, перестали следить за собой. Но, видно, кулисы все-таки притягивают, раз к Глафире в услужение пошли. Она небось не в курсе, кто вы?

Я толкнула Лизу в кресло и нависла над ней.

– Живо говорите, кто я!

Администратор вытащила сигареты.

– О боже, язык мой – враг мой. Ну кто меня за него дергал, не мое это дело, в конце концов, назвались Таней – и хорошо. Успокойтесь, я же не Ира Кротова, деньги на сплетнях не делаю, от меня никаких неприятностей не будет.

– Сейчас же все рассказывайте!

– Хорошо, хорошо. Вы – Настя Звягинцева. Были певичкой, выбивались в люди, пели всякую ерунду вроде Глафиры. Пели, пели, а потом пропали. Кстати, у вас с голосом проблемы были, вы обратились в клинику, я там на ресепшен сидела. Вы часто ходили на процедуры, ну и выяснилось...

– Что?! – в изнеможении воскликнула я. – Что обо мне

выяснилось? Еще какая информация? Я убила группу младших школьников? Взорвала интернат со стариками? Сожгла приют бездомных животных?

Лиза улыбнулась.

– Ну, все не так страшно. Вы просто говорили, что вам двадцать пять лет, а выяснилось, что намного больше. Доктор наш, Карл Львович, все восхищался, до чего вы здорово выглядите, просто блеск. Только голоса он вам не вернул, певческого я имею в виду. А потом певица Звягинцева исчезла, больше ничего про вас я не слышала. Хотя постоит... Впрочем... нет, больше ничего не знаю!

Я вцепилась Лизе в плечи и, сильно встряхнув ее, велела:

– Говорите до конца.

– Право же! Это просто сплетни.

– Быстрей.

– Ну... не я придумала, люди болтали! Я же сразу потом к Лизе перешла, а здесь шоу-биз, языки мелют...

– Короче...

– Ладно, кхм, кхм, – закашляла Лиза, – значит, одни болтали, что вы любовника убили и в тюрьму сели. Другие говорили: вы в психушку попали, третьи – будто вас саму убили. Правды-то никто не знает. Да вы не бойтесь, вас узнать практически невозможно, волосы другие, макияжа нет, постарели, хоть и смотрите ничего, только возраст на морде написан, никак на двадцать пять не тянете. Весь блеск сошел!

– Как же вы меня опознали? – прошипела я.

Лиза хмыкнула:

– Ну... дело житейское.

– Господи, опять секреты!

– Вы выпить любили, коньяк хлестали, – понеслась Лиза, – несколько раз в клинику подшофе являлись, Карл Львович вас домой отправлял. Ну не может же фониатр¹ работать с выпившим человеком. Потом он вам приговор вынес: петь никогда не сможете.

Я молча слушала Лизу.

Когда Настя узнала, что путь на сцену для нее закрыт, то прямо в кабинете у доктора впала в истерику, и перепуганный Карл Львович велел Лизе проводить неудачливую певицу домой.

Настя, сев в машину, вытащила из сумочки фляжку, по дороге насосалась коньяка, опьянела, и Лизе пришлось буквально на плечах тащить ее в дом. В шикарном трехэтажном здании не было ни души. Лиза доволокла Настю до спальни, уложила в кровать и хотела уходить. И тут Звягинцева вскочила, схватила нож, лежавший невесело на тумбочке, и с воплем: «Не хочу жить!» – полоснула себя по запястью. Полилась кровь. Настя, истерично хохоча, еще раз полоснула по руке, потом второй, третий. Перепуганная насмерть Лиза отняла у буянки нож и вызвала «Скорую». Врачи забрали Настю, Лиза уехала домой, больше они со Звягинцевой не встречались.

---

¹ Фониатр – врач, который лечит певцов, восстанавливает голос.

– Я как вашу руку увидела, сразу все поняла, – тихо добавила Лиза.

Я машинально посмотрела на свою левую кисть. Тонкий шрам, словно браслет, охватывал запястье. В душе поднялось смятение. Значит, я – Настя Звягинцева! Хотя, может, и нет. Это просто совпадение!

– Вы не переживайте, – пожалала плечами Лиза, – можно чем-то другим заняться, вовсе не стыдно и полы мыть. Но я никому ничего не расскажу. Понимаю, вам неохота, чтобы люди знали!

– Где Глашка? – заорал Свин, вламываясь в зал. – Она про концерт не забыла? Танька, иди ищи ее.

– Сенечка, – засюсюкали из другого конца комнаты, – дай поцелую тебя, котик.

Лиса подскочил и заключил Свина в объятия.

– Веди сюда звездищу, – велел продюсер. – Лизка, кофе!

Стилист и администраторша прыснули в разные стороны. Свин вынул платок и вытер щеки.

– Понимаешь, киса, – заявил он, – я лицо нетрадиционной для нашей эстрады ориентации – не пидор, баб люблю. Таких, как я, очень мало, остальные все, блин... слов нет! Где Глашка?

– Незачем орать, – отчеканила черноволосая женщина, появившаяся в приемной.

Я икнула. Это Глафира? Матерь божья!

– Усраться! – взвизгнул Свин. – Что случилось?

– Не нравится? – слегка испуганно поинтересовался Лися. – Коренная смена имиджа. Вместо нежной блондинки – роковая брюнетка-вампи, погибель мужчин!

Свин молча обозревал Глафиру.

– Сеня, – осторожно сказал Лися, – мы же придерживаемся концепции «девочка-крик», сплошной скандал. Блондинка в таком случае не канает. Брюнетка – самое оно!

– Верни Глафиру, – спокойно велел Свин, – я столько бабок на ее раскрутку убил, мне знакомая морда нужна.

– Нет, – закапризничала певичка, – меня только что с Хлебниковой перепутали! Хочу новый имидж! Так на концерт поеду.

– Это парик? – осведомился Свин.

Лися кивнул:

– Да, я не рискнул сразу на краску.

Свин молча сдернул с Глафиры накладные волосы.

– Ой, – взвыла та, – больно!

– Физиономию мыть, красить, как всегда, – распорядился Свин.

– Идиот! – затопала ногами Глафира. – Скунс, дебил! Хочу быть брюнеткой! Хочу! Я звезда! Суперстар.

И тут Свин побагровел. Глаза его медленно сузились, губы сжались в ниточку. Лися змейкой юркнул за диван, Глаша примолкла, но поздно. Семен схватил певичку за руку и вывернул ее.

– Больно! – закричала Глафира.

В ее глазах появились слезы.

– Хорошо, – протянул Свин.

Потом он вытер лицо певицы париком, с удовлетворением посмотрел на испорченный макияж и отчеканил:

– Ты – никто! Слабо воющая кукла без мозгов. Я тебя сотворил, я тебя и убью. Фанерщица! Звезда, блин! Кошка мяукающая! Дать бы пинка, да денег потраченных жаль. Молчать, сука! Лися!

– Я здесь! – пискнул стилист.

– Еще раз без меня имидж менять надумаешь...

– Понял, понял.

– Ступай, нанеси ей макияж заново, – велел Свин.

Глафира, разрыдавшись, упала на диван.

– Не пойду.

Семен с силой ущипнул ее за голую руку.

– Двигай, уродина, концерт скоро, хорош истерики гонять, журналистов тут нет.

– Мне плохо!

Свин со всего размаха отвесил певице оплеуху.

– Теперь лучше?

Глафира захлебнулась слезами.

– Не бей ее, – закричала я, кидаясь к Свину, – она уже идет грим накладывать!

Но Глафира уперлась.

– Нет, – прошептала она, – не хочу, я устала, заболела!
Нет.

Свин снова поднял руку, я повисла на продюсере.

– Стой, ты ей синяков наставишь перед концертом.

Мужик опустил карающую длань и пнул Глафину ботинком в бок.

– Шевелись, суперстарина! Поющая коза!

Я кинулась к Глафире:

– Вставай, милая, он тебя убьет. Сейчас не надо капризничать. Ты звезда, спору нет, но у него деньги. Идем, солнышко, ну, поругались, с кем не бывает, пошли!

Лепеча всякие глупости, я подняла Глафиру и повела ее за стилистом.

– Я его убью, – прошептала она, – пырну ножиком в сердце, скот! Сволочь!

– Обязательно, – тихо ответила я, – но не сейчас, не здесь же, при всех.

– Ты мне поможешь, – в полной отключке бормотала Глафира, – да? Скажи? Давай его вместе зарежем? Соглашайся, а то я не пойду краситься!

– Конечно, милая, – успокоила я ее, – обязательно, похоже, в этом вопросе я большой профессионал.

ГЛАВА 7

Самое интересное, что в концертный зал мы приехали вовремя. Глафира казалась совершенно спокойной, от истерики и следа не осталось. Глаза певицы ярко сверкали, на щеках играл румянец. Весело улыбаясь, она шла по коридору, то и дело кивая знакомым:

– Привет, котик! Здравствуй, лапа! О, Муся, ты шикарно выглядишь.

Я тащила портпледы и сумку, чувствуя, как в спине возникает боль, к тому же мне отчаянно захотелось спать, зевота просто раздирала рот.

Войдя в гримерную, Глафира села на стул и уставилась в зеркало, мне предстояло вытащить концертное платье и отгладить замявшиеся складки. Никакого энтузиазма предстоящая работа у меня не вызывала.

– Глашенька, – влез в комнату худенький парнишка с бумагой в руке, – ты у нас вторая, поторопись.

Глафира, только что преспокойно корчившая рожи зеркалу, подскочила на стуле.

– Что ты сказал, Мотя? А ну повтори!

– Идешь второй, – испуганным голосом проговорил юноша.

– Я? Интере-есно, – протянула Глафира, – очень здорово! Вторая! Я?! Вторая??! С ума сошел!!! Но я закрываю кон-

церт!

– Это невозможно, – просвистел Мотя, – на закрытии высту­пают «Баблз».

– «Баблз» последние? – взвыла Глафира. – Да кто их зна­ет?! Нет, Мотя, это тебе так с рук не сойдет. Я не сирота, у меня Свин есть.

– Но... – начал было Мотя.

– Молчать! – рывкнула Глафира и схватила мобильный.

В ту же секунду Мотя, выкрикнув: «Ну, я тебя предупре­дил!» – выбежал из гримерной.

– Немедленно приволоки его назад! – завопила Глафира. – Танька, шевелись!

Я понеслась было за Мотей и тут же растерялась. Длинный коридор изгибался во всех направлениях, буквально через пару шагов от гримуборной Глафиры он разваливался на два рукава. Я не узнала, куда направиться.

– Мотю не видели? – спросила я у полуголой девицы с размалеванным лицом.

– Он вроде за сигаретами двинул, – хрипло ответила она.

– А где тут буфет?

– Ну... на этаж ниже, только не стоит туда ходить, – зачи­рикала девица, – там одна дрянь, бутерброды с копченкой и спрайт. Лучше уж воды простой попить, у лифта кулер стоит.

– Я есть не хочу, мне Мотя нужен.

– Сказала же тебе, что он за сигаретами пошел.

– Разве их не в буфете продают?

Девчонка секунду молча смотрела на меня, потом засмеялась:

– «Сигареты» – это название группы. Они вроде в седьмой переодеваются.

Я продолжила поиски. «Сигареты» отправили меня к Розе, та отослала к «Привидениям»... Обежав почти все закулисье, я вспотела, но возвращаться к Глафире с сообщением о том, что не нашла Мотю, было просто невозможно.

– Водички хочешь? – неожиданно предложила стройная женщина, втиснутая в очень узкие и короткие брючки. – Чего тут мечешься, словно ошпаренная кошка? Выпей минералочки и успокойся!

Огромное чувство благодарности просто переполнило душу. Я схватила протянутую бутылку, отхлебнула из горлышка и простонала:

– Ну спасибо!

– Нема за що, – улыбнулась незнакомка, – ты кто такая? Первый раз вижу.

– У Глафиры служу.

В глазах собеседницы вспыхнул огонек.

– Да? Кем же? На подпевку и пританцовку ты мало похожа. Неужели Глафира Лисю на тебя поменяла? Я угадала? Ты стилистка?

– Нет, – усмехнулась я, – мой социальный статус намного ниже, я всего лишь горничная. Глажу вещи, варю суп, сопровождаю Глафиру.

Брови женщины поползли вверх.

– Домработница? В джинсах от «Прада»?

– Мне их Глафира подарила, похоже, она добрая.

– Добрая? – рассмеялась новая знакомая. – Ну ты и сказала! Вообще, откуда ты явилась? Зовут как?

– Считай, что ниоткуда, – начала было я, но потом, вспомнив инструктаж, быстро добавила: – Из деревни под Тюменью, а зовут меня Таня.

– Я Ира, – сказала женщина, – ты поосторожней с Глафирой.

– Почему?

– У нее ни одна прислуга больше месяца не держится!

– Да?

– Ага, – подхватила Ира, – денег она людям не платит, работать заставляет без выходных, вечно орет, вот и бегут от нее сломя голову. Ты зарплату понедельно требуй – и увидишь реакцию. Глаша людей выгоняет вон и бабок не отдает.

– Глафира хороший человек, – возмутилась я, – просто она устает очень и срывается.

– Ой, не могу, – скорчилась Ира, – хорошая! Когда лежит маникюром к стене.

– Добрая, – решила не сдаваться я, – знаешь, она подобрала на дороге совершенно незнакомую женщину, приютила ее, накормила, одела.

– Это Свин ей новый пиар-ход придумал, – взвизгнула Ирина, – а ты озвучиваешь! Ну, Сенька! Во дурак! Такому

про Глашку никто не поверит. Конечно, публика дура, но есть же предел! Глафира – добрая самаритянка! Уржаться можно.

– Это чистая правда, – с жаром воскликнула я, – на моих глазах дело было!

– Значит, коньяка насосалась, – подвела черту Ира, – в невменяемом состоянии была.

– Она не пьет!!!

Ира хлопнула себя по бедрам, обтянутым голубыми брюками.

– Понимаю твое горячее желание представить хозяйку в лучшем свете, но сама ведь сейчас сказала, что работаешь у нее всего ничего. А я Глашку не первый день знаю. Она алкоголичка. Впрочем, тут многие ширяются, нюхают и с бутылкой обнимаются. Оно и понятно, ты попробуй поживи в таком ритме, поулыбайся всем, поработай, как лошадь. Ясное дело, стимуляторы понадобятся! Это нормальное явление! Только Глафира...

Внезапно я разозлилась. Ну до чего же противные люди за кулисами.

– Глаша не пьет, она коньяк в раковину выливает!

Глаза Иры замерцали, как у голодного тигра.

– Врешь!

– Нет, просто ей Свин такой имидж придумал! – объяснила я.

Несколько минут я лепетала без остановки, но потом спо-

хватилась:

– Ты Мотю не видела?

– К Глафире пошел, – медленно ответила Ирина.

– Слушай, объясни, кто за кем выступает, это принципиально?

– Конечно, – улыбнулась Ира, – если тебя в начало ставят – второй, третьей – значит, не уважают. А закрывает концерт самая большая звезда. Ясно?

– Да, – кивнула я, – теперь да! Спасибо, побегу.

– Иди, – ласково улыбнулась Ирина, – но помни: уноси от Глафиры побыстрее ноги, зря только ломаться на нее станешь. Вон «Роми» ищут костюмершу, ребята очень честные, хочешь, замолвлю за тебя словечко?

– Не надо, мне и с Глафирой хорошо.

– Хозяин – барин, – дернула плечиком Ира, – возьми визитку, когда от Глашки сбежишь, позвони. Пристрою к нормальным людям.

Чтобы не обижать приветливую даму, я сунула визитку в карман, пошла в гримерку, обнаружила комнату пустой, побежала к сцене и увидела в кулисе Глафиру с надутым лицом. Рядом с ней стоял красный Свин.

– Мотя мне за все заплатит, – шипел продюсер, – ишь, сволочь.

– Где Аська, – перекрыл его недовольный голос густой баритон, – где она, а? Отвечайте! Наш выход.

Я попятилась и врезалась в группу девушек очень высо-

кого роста, с ужасающе огромными бюстами. Лица чаровниц покрывал сантиметровый слой тонального крема и румян.

– Поосторожней, киса, – баском сказала одна, – колготки порвешь.

Я вздрогнула. Девицы оказались переодетыми парнями, к выходу готовилось шоу трансвеститов.

– Где Аська? – раздраженно повторял баритон.

Я подняла голову и ахнула. Прямо надо мной нависал Андрей Максимов, тот самый, суперизвестный и популярный.

– Где эта шалава? – вопрошал он.

Повеяло удушающим запахом духов. Сильно стуча каблучками, мимо пробежали четыре белокурых создания, словно вылупившиеся из одного яйца. Только что они отпрыгали на сцене и теперь спешили переодеться.

– Привет, Андрюша, – нестройным хором сказали певички.

Но Максимов никак не отреагировал на них.

– Аську найдите, – волновался он.

– А сейчас, – полетело со сцены, – перед вами выступят те, кого мы с нетерпением ждем! Встречайте! Суперзвезды Андрей Максимов и Ася Волкова со своим хитом «Любовь с тобой».

– Ля-ля-ля! – загремело со страшной силой. Из противоположной кулисы вылетели штук десять танцоров и стали приплясывать, хлопая в ладоши.

– Ля-ля-ля, – подхватил зал, – у-у-у!

– Где эта сучка?! – взвизгнул Андрей.

И тут у кого-то зазвякал мобильник.

– Аську сюда, – рвал и метал Максимов, – ваще офигела!

– Андрюш, – робко пискнул кто-то сбоку, – катастрофа.

Максимов резко повернулся.

– Нет, только не говорите, что она обкурилась. Впрочем, тащите ее сюда в любом состоянии, лишь бы на ногах держалась, дрянь.

– Аська только что звонила, – обморочным голосом закончил человек, – она не придет.

– Что? – неожиданно спокойно переспросил Максимов. – Не придет? С какой стати? Я же видел красотку полчаса назад.

– Ее плохо встретили, – умирающим тоном завершил тот же тип, – примерку дали на двоих, ну Аська и уехала!

Большие глаза Максимова стали просто бездонными. Он обвел присутствующих гневным взором. Все, даже Сеня, примолкли. Трансвеститы, словно испуганные дети, сбились в кучу.

– Та-ак, – протянул Максимов, – уехала! Интересное дело, ах она...

Следующие пару секунд из накрашенного рта певца сыпались одни непечатные выражения. Тем временем музыка на сцене гремела снова и снова, балет танцевал, зрители подпевали.

– И что мне делать? – взвизгнул Максимов.

Его глаза пробежались по замершим актерам, остановились на группе перепуганных трансвеститов...

– Ну-ка, – рявкнул Андрей, выдергивая самого низкорослого парня, – тебя как зовут?

– Миша, – робко ответил тот и качнул большими серьгами, – вообще-то я Анжелика Французская, а так Миша.

– Миша, Маша, каша, параша! – заорал Максимов. – Плевать сто раз, двигай на сцену, петь будем дуэтом!

Миша – Анжелика побледнел так, что его лицо, покрытое сантиметровым слоем грима, стало похоже на белую маску с красными пятнами.

– Э... Андрей Сергеевич, – в ужасе забормотал он, – но я того... слов не знаю... и ваще... петь-то не могу, вот пляшу хорошо, а с песнями беда...

– Эка печаль, – не сдался Максимов, выталкивая несчастного трансвестита на подмостки, где балет лихо отплясывал джигу, – Аська, можно подумать, поет! Рот разевай и двигайся, остальное пучком будет. Ты мне поможешь, я тебе!

В полной панике Миша попытался притормозить каблучками огромных сверкающих босоножек, но сильный Максимов легко сломил сопротивление. В мгновение ока он вылетел на сцену, таща за собой существо в парчовой юбчонке.

– У-у-у, – завопил зал.

Я разинув рот наблюдала за происходящим из-за кулис.

– Моя любовь всегда с тобой, – понеслось из огромных динамиков...

Очевидно, Миша обладал определенными актерскими задатками, потому что он взял микрофон и стал усиленно двигать губами.

«Она меня повсюду греет», – полетел над залом чистый женский голос.

Я усмехнулась. Хороший текст, однако. Интересно, в каких местах особенно сильно согревает амур?

Максимов вытянул вперед левую руку, Миша кинулся к нему и замер. Секунду, пока над залом гремела только музыка, парочка с выражением невероятной нежности глядела друг на друга. Затем, обнявшись, певцы принялись кружиться, их голоса, сладко-мармеладные, липкие, словно бумажка для ловли мух, опутывали присутствующих.

– И никогда ни ты, ни я жить не сумеем без себя, ты – это я, а я – это ты, и в жизни нашей есть место мечты, одной мечты, где я и ты...

У меня защипало в носу. Господи, как красиво-то! Вот это любовь! Ей-богу, позавидовать можно! Такие молодые, счастливые...

Продолжая нежно сжимать друг друга в объятиях, «Ромео» и «Джульетта» докрутились до кулис. Я едва сдерживала рыдания, глядя на возвышенно-счастливое выражение лиц парочки. Зал принялся орать от восторга.

Андрей и Миша влетели за сцену.

– Фу, – скривился Максимов, – что за пакостью ты облился! Меня чуть не стошнило! Несет, словно из мусорного бачка!

ка, сладкой гнилью!

Я опять разинула рот. Господи, куда же подевалась любовь? На лице певца сейчас было выражение брезгливости, смешанной с недоумением. – Так дезодорантом, – робко ответил трансвестит.

– Имей в виду, Паша... – грозно начал Максимов.

– Я Миша, – осторожно поправил звезду юноша.

– Однофигственно, – отмахнулся Максимов, – так вот, немедленно смени брызгалку, иначе меня в следующий раз стошнит!

– Следующий раз, – эхом повторил Миша, – вы мне предлагаете у вас работать?

– А ты не понял? – скривился Максимов. – Эй, кто-нибудь, поправьте мне грим, живо! Именно со мной, или не хочешь?

– Я... о... да, да, да! – заорал Миша.

Певец усмехнулся:

– Пошли, козлы орут!

– Ма-кси-мов! Ма-кси-мов! – скандировала публика.

Андрей схватил Мишу за руку, парочка побежала на сцену. Я только диву давалась метаморфозе, произошедшей с обоими. Максимов лучился любовью, у Миши с лица пропало выражение описавшегося котенка, в его глазах светилось безграничное счастье.

– Вот так люди карьеру за пять минут делают, – слышался чей-то издевательский голос. – Жил себе Мишка ни-

кому не известный, тряс резиновым бюстом, потом оказался в нужный час под рукой у барина – и все, он суперстар!

Я скосила глаза влево и увидела цинично ухмыляющуюся Ирину. Она подмигнула мне.

– Исторический момент. Из Андрюшки, конечно, певец как из табуретки зеркало, но он мальчик благодарный, теперь Мишутка в шоколаде. Да, вот оно счастье-то! Впрочем, Андрюша давно подумывал о смене имиджа, просек, наш котик, что песенка про то, как мальчик девочку любил, несовременно звучит. Вот два мальчишечки – это интересней...

– Вечно ты гадости говоришь, – зло оборвала Ирину Глафира, – и пишешь один понос!

– Только правду, мой котик! – пропела Ира. – Нравится вам это или нет, пишу лишь одну страшную истину и никогда не лгу.

– Как бы не так, – покраснела Глафира, – брехло!

– Я? – вскинула брови Ирина.

– Ты!

– Я ни одного слова лжи не опубликовала!

– Ха! Написала, что я силикон вставила!

– Так ведь это правда.

– Нет!

– А вот и да!

– Нет!!!

– Смешно, право! Хочешь, фамилию врача назову? – усмехнулась Ирина.

– Стерва! – заорала Глафира, бросаясь на собеседницу.

– Дура! – завопила Ира, отпрыгивая в сторону. – Свин, держи свою лжеалкоголичку!

– Ты о чем? – напрягся продюсер.

– Да знаю я все, – отмахнулась Ирина, – читайте «Шоу».

С этими словами она быстро ушла.

Свин и Глафира переглянулись.

– Откуда она узнала? – мрачно спросил продюсер.

– Понятия не имею! – взвизгнула певичка.

– Найду, кто продал, и урою, – пообещал Свин.

Я стала покрываться потом, шагнула в сторону, вновь наступила на ногу одному из трансвеститов и спросила:

– Эта Ирина кто?

– Кротова? – уточнил размалеванный парень. – Ужас, летящий на крыльях ночи, репортер газеты «Шоу», про нас пишет. Такое нарывает! Ее тут половина народа пристрелить хочет. Ирочка может в один миг с грязью смешать, она вечно за кулисами толчется, по зернышку дерьмо клюет.

Недолго думая, я побежала за журналисткой.

– Ира, погодите!

Кротова оглянулась:

– Чего тебе?

Я подбежала к ней:

– Пожалуйста, не пишите ничего про Глафиру.

– С какой стати?

– Очень прошу, ну, про коньяк.

– Да? А что с коньяком?

– Я случайно сболтнула про то, что она его выливает.

– Слово – не воробей!

– Умоляю вас, меня уволят.

– И хорошо, найдешь другое место.

– Никогда.

– Не рыдай, – хмыкнула журналистка, – рано или поздно все равно бы это узнали.

– Я окажусь на улице!

– Сейчас тепло, не замерзнешь!

– Мне некуда идти.

– Я слышала уже сказочку про деревню в Тюменской области, – скривилась Ира, – дурее ничего не придумала? У тебя московский говор.

Меня охватило отчаяние.

– Послушай, пожалуйста!

– Ну, говори, – смилостивилась Ирина.

Когда мой сбивчивый рассказ иссяк, журналистка покачала головой:

– Хорошо, твоя история впечатляет. И знаешь почему? Я узнала тебя сразу! А ты меня нет. Сначала я подумала, что ты прикидываешься, изображаешь неизвестно кого. Но потом растерялась, больно здорово ты актерствовала. Стала приглядываться и сомневаться: она – не она. Вроде одно лицо, с другой стороны, меня не признала, а ведь я твоя родня.

– Родня, – подскочила я, – в каком смысле?

– В прямом, – одними губами улыбнулась Ирина.

– Ты знаешь, кто я?

– Естественно.

– Господи, скажи!!!

– Это долгий разговор, не здесь же его вести!

– А где?

– Приезжай послезавтра ко мне.

– Адрес, скажи скорей адрес!

Ирина покачала головой:

– Если ты играешь, то делаешь это гениально, прими мои поздравления, зря я тебя курицей считала. Если на самом деле потеряла память, то положение ужасное, хотя это понять можно, после всех несчастий...

– Эй, Танька, – заорал один из подтанцовки Глафиры, показываясь в коридоре, – несись на реактивной тяге, Глашка бесится, нам на другой концерт ехать пора!

– Значит, так, – быстро закончила Ирина, – я сегодня в Питер уезжаю, вот тебе телефон, звони послезавтра, встретимся, и я все расскажу!

Я быстро сунула визитную карточку в карман и пошла в примерку. Отворила дверь и поняла, что попала в самый неподходящий момент. Глафира сидела на полу, в углу, около большого трехстворчатого зеркала. Над ней с розовым полотенцем в руках стоял Свин. Не замечая моего появления, продюсер хлестал полотенцем певицу по щекам, приговаривая:

– Ну ты и сука!

Меня удивило поведение Глаши. Вместо того чтобы, как всегда, орать и материться, певица пыталась закрыть хорошенькое личико руками и шептала:

– Ой, не надо! Свин, пожалуйста!

Продюсер отшвырнул полотенце.

– Одевайся, дрянь, – выплюнул он и, тяжело дыша, ушел.

Я бросилась к Глафире:

– Тебе больно? С какой стати ты терпишь такое!

Внезапно она тихо заплакала:

– Он мой хозяин, у него деньги, связи, а у меня что?

– Имя! Звездный статус!

Глаша встала на ноги, взяла ватный диск и стала стирать с лица слезы, перемешанные с косметикой.

– Звезда – это фикция, – внезапно серьезно сказала она, – есть, конечно, маленький круг тех, кто имеет весомое имя и может работать сам по себе, Максимов, допустим. Да и то Андрюша зависит от многих людей: композитора, например. Нет новых песен – нет и Максимова, нельзя же годами старые хиты перепевать. Ну а такие, как я... Вытурит меня Свин, и что? Пропала Глаша, публика-то из козлов состоит, мигом забудет. Вон сегодня группа «Рынок» выступала, видела?

– Да, хорошенькие такие блондиночки.

– Хорошенькие блондиночки, – передразнила меня Глафира, – точно! Только это уже то ли пятый, то ли шестой состав – и все как одна хорошенькие блондиночки. Куда же

прежние деваются, знаешь?

– Нет, – покачала я головой.

– И я тоже, – сказала Глафира, – исчезают одни хорошенькие блондиночки, появляются другие, а залу все равно. Группа «Рынок» поет! Вау! Классно! Супер! Ля-ля-ля! Где же прежние блондиночки? Это шоу-биз, детка, тут как в лесу с леопардами: выжил – отбил себе место для охоты, слабинку дал – и тебя съели! Ам, нету хорошеньких блондинок! Ам, прощай, Глафира, другую Свин вытащит и тоже Глашей назовет, чтобы бренд не пропал! Я-то уже вторая Глафира, будет третья, и что?

– Ну это ты глупости говоришь, – воскликнула я, – тебя столько народа в лицо знает!

Глафира задумчиво посмотрела в зеркало.

– Морда... да! Это легко! Вон Катю из «Веселых» никто не признает, она себе нос исправила, овал лица подтянула, парик, очки...

– А голос? – не успокаивалась я.

– Голос, – протянула Глафира, – голос... наивная моя, голос – это аппаратура. Знаешь, как у нас говорят: можно поругаться с кем угодно: с мамой, папой, мужем, любовником-спонсором, журналюгами... Но только всегда дружи со своим звукооператором, иначе худо будет. Голос! Ох, зря я сегодня Свину нахамила, чует мой нос: плохо мне будет!

ГЛАВА 8

Утром я проспала подъем, очнулась оттого, что кто-то рявкнул:

– Эй, Танька, хватит дрыхнуть!

Глаза распахнулись и увидели Свина.

– Совесть иметь надо, день на дворе! – заорал он.

– Ой, простите, – залепетала я, прикрываясь одеялом.

– Не корчись, – неожиданно хмыкнул Свин, – нечего тебе прятать, никакими особыми прелестями не обладаешь. Ладно, можешь отдыхать!

Я страшно изумилась:

– Что?

– Спи спокойно, – продолжал Семен, – небось устала.

– Да, есть немного, – ответила я, немало пораженная приветливостью Свина.

– Ясное дело, – кивнул продюсер, – мы-то люди привычные. Нам в три ночи лечь, а в шесть утра встать плевое дело, но остальной народ мигом ломается. Даю тебе до двух часов дня время на реанимацию. Мы поедем к стилисту, имидж менять, потом домой притопаем и на съемки рванем.

– Куда? – переспросила я.

– Клип делать! – снова рявкнул Сеня. – Отсюда стартуем в четырнадцать ноль-ноль, ясно, клуша?

Я упала в подушку. Боже, какое счастье! Можно еще по-

спать. Скорей всего, в прошлой жизни я никогда не вылезала из-под одеяла раньше десяти утра. Глаза закрылись, я свернулась калачиком, теплая темнота стала заволакивать мозг, я пошевелилась и неожиданно удивилась тому, как ловко это у меня получилось. Внезапно дрема улетела прочь, я села на узком диване. В голове возникло смутное воспоминание.

Вот я лежу в комнате, вокруг темно, мое тело свернуто калачиком, я пытаюсь вытянуть ноги и не могу, что-то мешает... Вернее, кто-то, каменно-тяжелый, неподвижный. Мои ступни пытаются отодвинуть неподатливое тело. Вдруг оно чихает, прыгивает на пол и, цокая когтями, уходит, сердито фыркая. Собака! В той жизни у меня был пес, он спал вместе с хозяйкой... Впрочем, почему собака? Вдруг это кошка? И вообще, может, это даже никакое не животное вовсе, а муж. Может, я имела супруга? Хотя нет, навряд ли мужчина, которого жена столкнула с супружеского ложа, уйдет, недовольно фыркая и стуча когтями по паркету. Значит, кошка или собака...

– Что сидишь с таким видом, словно выпала из самолета? – спросила Глафира, входя в комнату. – Суп, который ты вчера сварганила, гаже некуда. Я попробовала и выплюнула, похоже на бульон из старой тряпки. Хватит нежиться в постели, поднимай задницу и рысю в магазин, список и деньги на столе. Ну что ты на меня уставилась, а?

– У тебя на руке пятно, – быстро сказала я, стараясь скрыть растерянность. – Вот тут, чуть повыше локтя, чем-то

измазалась.

– Да нет, – отмахнулась Глафира, – это меня вчера Костик, гитарист, сигаретой обжег. Стоял рядом в кулисе и попал случайно по руке.

– Наверное, больно?

– Ерунда, бывали в моей жизни и покруче неприятности. Слушай внимательно, – принялась раздавать указания Глафира, – сделаешь по-новому щавелевый суп, затем в моей комнате, на подоконнике, найдешь кучу писем и начнешь отвечать, текст стандартный, он есть в компьютере: «Дорогой, дорогая! Счастлива была получить письмо. Спасибо, люблю, целую, твоя Глафира». Вместо подписи печаткой хлопнешь, она там же валяется.

– Ты отвечаешь всем фанатам?

– Жалко их, – неожиданно сказала Глафира, – сама такая была, пока на эстраду не выползла.

– Извини, я не смогу выполнить поручение...

– С какой стати?

– Не умею пользоваться компом.

– Деревня, – скривилась Глафира, – ладно, потом научу.

Оставив после себя удушливый запах элитных духов, хозяйка унеслась. Я встала и побрела на кухню, оглядела сверкающую, похоже, почти никогда не используемую посуду и тяжело вздохнула. Уж не знаю, кем я была в прошлой жизни, имела ли собаку с кошкой или мужа, ходящего на четвереньках, но мне ясно одно: домашнее хозяйство никак не явля-

лось моим хобби, иначе отчего сейчас при одном взгляде на сковородки меня охватила тоска?

Зевая, я взяла чайник. Прежде чем впрячься в работу, выпью кофейку. И тут зазвенел телефон.

– Глафира, – прочирикал голосок, – понимаю, что ты на меня злишься, но, ей-богу, я не виновата, так фишка легла...

– Я не...

– Дай договору, не швыряй трубку!

– Но...

– Деньги могу отдать, прямо сейчас привезу, хочешь?

– Какие? – растерянно спросила я.

– Те, что ты дала в долг, – зачастила девушка, – конечно, много времени прошло, но мне просто не везло, а теперь я заработала. Спасибо, что ты не шумела, подождала.

– Я не Глафира!

– А кто? – осеклась невидимая собеседница.

– Ее домработница, Таня.

– А Глаша когда будет?

– Ну... в два, только она сразу потом уедет.

– Ага, скажи ей, что Алла звонила, хочет долг вернуть, – торопливо сообщила девица и отсоединилась.

Я осторожно положила трубку на стол. Однако Глафира странная девушка. Изображает из себя алкоголичку, а коньяк выливает в раковину... Ладно, это хоть как-то объяснимо, но она на людях корчит из себя звезду, растопыривает пальцы, а на самом деле является рабой Свина. Крикли-

вая, наглая, капризная... Однако отвечает на письма фанатов, дает деньги в долг, а потом не поднимает шума, когда ей их вовремя не возвращают. И Глафира пожалела совершенно незнакомую женщину, стоявшую на шоссе, остановилась, привезла ее к себе. Все-таки в певичке больше хорошего, чем плохого. Хотя она не преминула воспользоваться ситуацией и мигом предупредила, что не станет платить мне деньги! Ладно, хватит составлять психологический портрет хозяйки, надо топтать за продуктами.

Ровно в четырнадцать ноль-ноль появился Свин и заорал:

– Дуй в машину!

– Глафира не поднимется пообедать?

– Засунь себе суп в... – меланхолично сообщил продюсер. – Шевелись! Не забудь все необходимое!

Я пошла за костюмами и ящиком с косметикой. Свин – жуткий, неисправимый грубиян.

Сев в машину, я ойкнула и сказала:

– А где Глафира?

Свин, устроившийся на переднем сиденье, заржал.

– Не узнаешь?

Брюнетка, сидевшая около меня, растянула в улыбке большие кроваво-красные губищи, поморгала карими глазами и чуть хрипловатым голосом протянула:

– Хай!

– Хай, – машинально ответила я и спросила: – А кого нужно узнавать?

– Митьку, – хрюкнул Свин и пихнул шофера в плечо.

– Вот же он, – недоумевала я, – и куда подевалась Глаша?

– Сногшибательно, – резюмировал продюсер, – она около тебя сидит!

Я уставилась на брюнетку, та подмигнула мне.

– Это... ты? – вырвалось у меня. – Не может быть!

– Лися постарался.

– А с голосом что?

– Вот блин, охрипла чуток!

– Ну... а почему глаза карие?

– Это линзы.

– Да?

– Не верит, – взвизгнула Глафира, – супер! Народ сляжет!

Все газеты нам обеспечены! Да я это, я! Вот гляди, след от ожога!

Я уставилась на обнаженную руку Глаши, действительно...

– Можно пощупаю?

– Еще плюнь и потри, – хмыкнула она.

– Хватит базлать, приехали, – сообщил Свин.

Когда мы вышли из машины, певицу утащила толпа народа. У меня выхватили ящик с гримом, сумку, портпледы и велели сидеть тихо на табуретке. Я послушно устроилась на жестком сиденье и привалилась спиной к дереву.

Снимать клип собирались на природе, режиссер выбрал симпатичную лужайку, покрытую зеленой травкой. Палило

солнце, было очень жарко, где-то высоко в небе щебетали птички, изредка моего лица касался легкий ветерок.

Съемочная группа толпилась вокруг всяких приборов.

– Ну, звезда моя, ты готова? – заорал режиссер. – Эй, кто-нибудь, поторопите ее, натура уходит! Мне вон та тень не нравится! Сколько можно одеваться! У нее что, три задницы?

– Нечего орать, – ответила Глафира, выходя из расположенного рядом микроавтобуса.

Я бросила взгляд на певицу и чуть не свалилась с колченогой табуретки. Стройная Глаша напялила шубу из соболя, длинную, до щиколоток. Застегивалось одеяние лишь до пояса. Когда Глафира сделала шаг, полы разошлись в разные стороны и стала видна коротенькая ярко-красная юбочка и сапоги-ботфорты. На иссиня-черных волосах моей хозяйки сидела шапка-ушанка, верхний отворот которой украшала россыпь стразов.

– Где снег? – завопил режиссер.

Я почувствовала себя участницей пьесы абсурда. Какой снег? Они что тут, все с ума посходили? Одна стоит в шубе и ушанке, второй желает видеть белые хлопья, валящие с неба. На улице жаркий июнь! Сейчас Свин вызовет психиатрическую перевозку.

– Да, – капризно топнула ножкой Глафира, потом повернулась к режиссеру. – Меня торопили, а сами! Непорядок, Гена! Я звезда!

– Снег, живо! – замахал руками Гена.

Я вцепилась в табуретку.

– Только не нервничайте, – пробасил один из парней, стоявших возле какой-то непонятной штуки.

Затем он нажал кнопку, взял шланг... Мигом из него полилась обильная пена. Через пару секунд лужайка стала похожа на опушку зимнего леса.

– Что они делают? – спросила я у шофера Мити, который меланхолично курил на редкость вонючую сигарету.

– Клип снимают, – пожал тот плечами, – на песню «Зима души». Снег им нужен, вот и наваливают.

– Но почему же зиму снимают летом?

Митька пожал плечами:

– Хрен их разберет. А в декабре Глашка в купальнике по набережной бегала, тогда про август пела.

– Интере-есно, – протянула я.

– Всем заткнуться! – рявкнул Гена. – Мотор, пошла, пошла!

Глафира выскочила в центр лужайки, раскинула руки, завертелась, словно юла, и противным, слабым дискантом завела:

– В моей душе зима, зима, там нет тебя, тебя...

Я изумилась до глубины души. Секундочку, а где же звук? Сколько раз я слышала Глафиру, и все время у нее был не слишком большой, но вполне приятный голос. И потом, она сейчас фальшивит. Мой слух улавливает... Минуточку, по-

хоже, у меня есть слух. может, я училась музыке?

– Стоп, стоп, – заорал Гена, – всех уволю на фиг! Где фонограмма? Где?! А? Все сначала!

Глафира отошла на стартовые позиции.

– Мотор, пошла, живо, радость на лице, счастье, – командовал Гена, – работаем!

Из автобуса грянула музыка, чистый, правильный голос завел:

– В моей душе зима, зима...

Я вздохнула. Похоже, в шоу-бизнесе сплошной обман. Поют под фанеру, говорят не то, что думают, цвет волос, глаз, эмоции – все неправда.

– Где счастье? – вопрошал Гена. – Хватай снег и умывайся! Ты в восторге.

Глафира зачерпнула было пригоршню пены и тут же с отращением отбросила.

– Фу, воняет.

– Стоп! Сначала!

– Не хочу этим умываться.

– А надо.

– Ни за что.

– Делай как велят.

– Не буду.

Чуть не зарыдав, Глафира кинулась к автобусу и исчезла внутри.

– У нас обострение звездности, – перекосясь Гена, – о

боже! Очень тяжело настоящему мастеру! Одни истерички кругом. Живо выгоните идиотку, поддайте снегу, немедленно! Свет уходит! Солнышко мое, суперстар, ну постарайся!

Последняя фраза, сказанная совсем иным тоном, чем предыдущие, относилась вновь к появившейся на лужайке Глафире.

Действие повторилось во второй раз, третий, четвертый, пятый... У меня заболела голова. «Снег» нестерпимо вонял, музыка гремела, режиссер орал. Через два часа после начала съемок я от всей души пожалела Глафиру. Ей-богу, никаких денег и славы не захочешь, если требуется такая адская работа!

– Хватит, – взвыл Гена, – теперь конец. Глаша срывает шубу, падает лицом в снег, ее заносит метель. Ах черт, красивая картина будет!

И тут у моей хозяйки случилась самая настоящая истерика. С воплем: «Ни за что не стану падать!» – она унеслась в автобус.

– Да уж, – вздохнул Гена, – некоторые, понимаешь, звезды... Свин, наведи порядок.

– Надоела она мне, – вздохнул продюсер, – имидж вот поменял.

– Волосы недолго покрасить, – заржал Гена, – ты девку смени! Эта совсем от рук отбилась!

Став красным, Семен медленным шагом двинулся к автобусу. Я поняла, что он сейчас начнет рукоприкладствовать,

и кинулась за ним.

– Пойми, Глафира устала. Легла поздно, встала рано, потом у стилиста была, и съемка такое тяжелое дело.

– Отвянь! – рявкнул Свин и влез в автобус.

Я вскочила за ним.

– Пожалей ее.

– Смойся.

– Она заболела!

Внезапно Свин усмехнулся:

– Это шоу-биз, детка, красиво лишь из зала. Кому какое дело, что с тобой? Мама умерла, любовник бросил, чирей на задку вылез, ноги отвалились – пой, киса, весели народ, тебе деньги уплачены! Это ее работа, ща пойдет и станет мордой в ихние химические сугробы нырять. Знаешь, сколько запись клипа стоит?

– Ей плохо.

– И что?

– Как это? – растерялась я. – Ну... пусть отдохнет.

– В могиле выпится, у нас еще два концерта сегодня.

Свин свирепо гаркнул:

– Глашка, вылазь!

Я быстро побежала в глубь автобуса и увидела певицу, ничком лежащую на вытертом диванчике.

– Не могу, – простонала она, – тошнит. У меня началась аллергия.

– Живо на площадку, – поднял кулак Свин.

Я бросилась на него:

– Ой, не бей.

– Съёмка стоит, отойди.

– Не могу, – стонала Глафира, – все, ухожу, сыта по горло, бросаю сцену.

– Сначала отработай! – взревел Семен, пытаюсь оторвать меня от себя.

– Нет.

– Ну ща заработаешь на орехи...

– Свин, – заорала я, – там же только надо лицом в снег упасть?!

– Ну? – он слегка сбавил тон.

– Давай я за нее прыгну.

– Ты?

– Да.

Секунду Свин надувал губы, потом буркнул:

– Переодевайся, живо, – и вышел на улицу.

ГЛАВА 9

Если вы думаете, что Глафира сказала мне спасибо, то жестоко ошибаетесь. Когда я, почесываясь и кашляя, влезла в машину, певица ехидно осведомилась:

– Ну как? Понравилось быть звездой?

– Не слишком, – честно ответила я.

– И почему?

– Все тело горит, «снег» такой ядовитый!

– Ты еще в декабре в речке со счастливым выражением на морде не плавала, – хохотнул Свин.

Глафира отвернулась к окну.

– А что, – веселился продюсер, – давай, Танька, из тебя звезду сделаем.

– Спасибо, не надо, – поспешила отказаться я.

– Не хочет, – заржал Свин, – другие, между прочим, на все ради такого предложения готовы.

– Только не я.

– Заткнитесь, – сквозь зубы прошипела хозяйка.

– Сама замолчи!

– Дурак!

– Кретинка!

– Сволочь!

– Мерзавка!

– Скот!

– Дебилка!

Я вжала голову в плечи.

– Да ты дрянь! – завопил Свин.

Всю дорогу до очередного клуба они матерились и поливали друг друга грязью, используя такие «выражансы», что я чуть не умерла со стыда.

Концерт прошел как всегда. Отпев свое, Глафира влетела в гримерку и рывкнула:

– Где мой суп?

Я поспешила подать ей термос.

– Вот!

Хозяйка хлебнула из горлышка и взвизгнула.

– Это что?

– Ну как? Щавелевый...

В ту же секунду содержимое термоса выплеснулось на меня. Слава богу, суп оказался не огненно-горячим, а просто теплым. Певичка затопала ногами и завизжала на такой высокой ноте, что у меня мигом закружилась голова:

– Гадость, дрянь, бульон из половой тряпки!

Я выскочила в коридор, добежала до окна и в растерянности остановилась. Господи, что мне теперь делать? Совершенно не помню, кем я была в прошлой жизни, но в этой мне очень не нравится, особенно когда в лицо выплескивают суп. Уйти прочь? Куда? Без денег, документов, биографии, работы... Нет, надо взять себя в руки, умыться, отчистить одежду и вернуться к Глафире. У меня нет альтернативы.

Потом, я сама виновата, не умею вкусно готовить, хотя, конечно, поведение хозяйки отвратительно, но оно имеет под собой основания...

Вдруг к горлу подкатил огромный горький комок, и я, не в силах справиться с собой, разрыдалась.

– Что случилось, дорогуша, – произнес тихий, вкрадчивый, голос, – повернитесь, душенька, кто вас обидел?

Я машинально повиновалась и увидела стройного мужчину не самого юного возраста, одетого в ярко-красный костюм. Короткие белокурые, скорей всего, крашенные волосы были при помощи геля зафиксированы в причудливую прическу, в ушах сверкали бриллиантовые серьги.

– Кто вас обидел? – повторил он.

В ту же секунду я поняла, кто стоит передо мной. Леонид Борисеев, одна из самых эпатажных эстрадных звезд, певец, танцор, человек, который, абсолютно не стесняясь, говорит о своей нетрадиционной сексуальной ориентации. Лично мне глубоко все равно, чем занимаются двое взрослых людей в тиши спальни, но Борисеев не тот человек, перед которым стоит раскрывать душу, он просто надо мной посмеется. И потом, мы находимся на разных ступенях социальной лестницы, я в самом низу, Леонид наверху, очень ему надо выслушивать сопливые рассказы чужой домработницы.

– Вы кто? – не успокаивался Борисеев. – Бога ради, перестаньте плакать, я не могу слышать рыдания. В чем дело, в конце концов? Кошелек потеряли? Сколько там было? Я вам

дам, не переживайте. Деньги – это всего лишь бумажки.

Я хотела сказать: «Спасибо, не надо», но внезапно забормотала совсем иное:

– Суп... Глафира... Свин... термос.

Борисеев вытащил огромный носовой платок, осторожно вытер мне щеки и тихо поинтересовался:

– Лапушка моя, что тебя принесло к Глафире?

Я пожала плечами:

– Так фишка легла.

– Хотела на сцену попасть? Не вышло, и теперь в тусовке крутишься?

– Упаси бог.

– Тогда зачем здесь толчешься? Имей в виду, за кулисами люди быстро ломаются, тут совсем иной ритм, чем в нормальной жизни. Согласен, кое-кто только делает вид, что поет или танцует, но дело не в них. Ты-то можешь найти другое место. Сколько тебе лет? По внешнему виду еще не вечер, вполне симпатичная и молодая. Кстати, один из моих приятелей ищет горничную, думаю, платить много он не сможет, но ты попадешь в приличное место. Хороший дом, еда, оклад, никакого интима и истерик. Он вообще не из наших, банковский работник.

Продолжая окутывать меня своим неповторимым бархатным голосом, Борисеев вытащил мобильник.

– Ну, говори, как тебя зовут, и дело сделано.

К горлу вновь подкатил комок. Как меня зовут?

– Спасибо, – пробормотала я, – вот уж не ожидала, что вы захотите мне помочь, но моя карма – служить Глафире, по крайней мере, пока.

Леонид спрятал телефон.

– Дело хозяйское, коли нравится умыться супом...

– Не нравится, но всего рассказать вам не могу.

– Леня! – закричали из какой-то комнаты. – Куда ты подевался?

– Кстати, о супчике, – усмехнулся Борисеев, – в следующий раз, когда станешь щавель варить, выжми в кастрюлю лимон и брось кусочек сливочного масла, получится вкуснятина, я всегда так делаю. И купи себе поваренную книгу, ясно?

– Спасибо, – почти успокоившись, ответила я.

Борисеев шагнул было в сторону, но потом опять повернулся ко мне:

– Это шоу-биз, детка. Знаешь, тут почти все, кто сейчас звездами считаются, из очка вылезли. Мало кому повезло прямо от мамы с папой на сцену попасть и в десятку влететь. Ногти ломали, зубы, прогибались, кланялись, на коленях стояли, но добились своего. Так вот, на этой дороге люди начинают делиться на две части. Одни всегда помнят, каково им пришлось, и уважают окружающих, у других капитально сносит крышу. Первых очень и очень мало, стану перечислять – десяток имен назову, не больше. Остальные – такие, как Глафира. И еще, чем меньше таланта, тем больше гонора,

самодовольства и желания унижить нижестоящего человека. Хотя кто сказал, что ты ниже Глафиры? Жизнь длинная, попомни мои слова, Глафира еще придет к тебе кланяться и просить денег. А ты тогда, сделай одолжение, не выплескивай на нее суп. Если хочешь быть интеллигентным человеком, всегда вежливо разговаривай со своей домработницей. А вообще, ищи себе богатого мужа или начинай зарабатывать сама, потому что лучшая защита женщины – ее толстый бумажник.

Быстро повернувшись на каблуках, Леонид исчез. Я побежала в гримерку. «Это шоу-биз, детка!» В который раз я слышу эту фразу! Актер на сцене и в жизни – это два разных, подчас полярно разных, человека. Никогда бы не поверила, что Борисеев способен утешать полумойку! А он, оказывается, добрый, милый человек...

Увидав меня, Глафира заорала:

– Таняша!

Я вздрогнула: что опять?

– Милая, прости, прости, прости...

Я попятилась к двери, но хозяйка бросилась мне на шею.

– Ну извини, я устала, измучилась. Вот, возьми чистую одежду, суп был замечательный.

Я обняла Глафиру:

– Нет, я сама виновата! Гадкий вышел супешник.

– Великолепный!

– Несъедобный.

– Прости!

– Ты меня извини.

– Я тебя люблю!

– Я тебя тоже!!!

Из глаз Глафиры брызнули слезы, и из моих одновременно тоже. Через секунду мы зарыдали, сжимая друг друга в объятиях. У хозяйки началась истерика, я, кое-как справившись с собой, напоила певицу водой. Но Глаша не успокаивалась. Она плакала в машине и не пришла в себя дома.

В конце концов Свин, который, застав нас в момент обоядных рыданий, отчего-то не стал материться и драться, принес нам по чашечке приторно сладкого чая и с несвойственной ему заботливостью произнес:

– Вот что, истерички мои, глотайте и ложитесь.

Я залпом осушила чашку, почувствовала разливающееся тепло и моментально заснула прямо в гостиной, сидя в кресле.

Проснулась я от немилосердной боли в спине и сначала не поняла, где нахожусь. Потом вспомнила все: скандал, бурное примирение, истерику Глафиры, чаепитие в гостиной. Нужно встать, умыться, раздеться и лечь в кровать. Спать в кресле оказалось страшно неудобно, у меня свело поясницу.

Кое-как я поднялась, дошла до двери, потянула за ручку и в приоткрывшуюся щель услышала быстрый шепот:

– Эй, осторожней, не разбудите, а то завоет, – говорил незнакомый мне человек.

– Там снотворного килограмм, – очень тихо ответил Свин.

Удивившись, я осторожно прильнула к щелке и увидела Митю, шофера, который нес Глафиру, ноги певицы, обутые в лаковые сапожки, безвольно болтались, руки свесились. Рядом шел Свин. Парочка исчезла на лестничной клетке. Не успела я оценить происходящее, как продюсер вернулся, ведя за руку... Глафиру. Певица поправила темные волосы.

– Все усекла, лапа? – спросил Свин.

– Ага.

– Помнишь, как действовать?

– Да.

– Тогда вперед и с песней, – велел Семен.

Глаша скрылась в конце коридора, Свин вышел на лестницу, щелкнул замок. Я подождала пару минут, потом пошла к себе. Что у нас происходит? Сначала хозяйку, крепко спящую, выносят из квартиры, а через секунду она возвращается, бодрая и бойкая. Но обдумать случившееся не получилось, сон свалил меня с ног.

– Танька, Танька, ну где же ты? – долетело до меня сквозь дрему.

Я села, схватила халат и понеслась в спальню к Глафире.

– Ванну и кофе, – принялась командовать хозяйка.

Я дернула в разные стороны шторы. Яркий свет залил комнату.

– Закрой, – заорала Глафира и мигом натянула одеяло на лицо, – глаза болят! Дай тапки.

Я быстренько поставила у кровати пантофли. Глаша встала, я слегка удивилась, певица вроде была вчера выше ростом, хотя она постоянно на каблуках.

– Кофе вари, – велела Глаша и, занавесив мордочку волосами, ушла.

Голос ее сегодня звучал так же хрипло, как и вчера, но это была другая хрипотца, иной тональности. Подумав так, я удивилась: откуда мне известно про такую вещь, как тональность? И отчего у Глаши изменился тембр голоса?

К столу хозяйка вышла с наложенной на лицо штукатуркой, села спиной к окну и гаркнула:

– Чего уставилась? Где мой кофе?

Я стала наливать чашку. Надо же, как может измениться женщина при помощи самых простых средств! Возьмите тональный крем потемнее, нарисуйте широкие брови, вставьте в глаза цветные линзы цвета жженого кофе, сделайте татуаж губ, наложите румянец, придайте волосам колер горького шоколада и – пожалуйста! Вместо бело-розовой блондинки, похожей на куклу Барби, имеем смуглую цыганку. Но неужели, изменившись до неузнаваемости, можно привлечь к себе внимание публики?

День закрутился колесом. Прибыл Свин, потом какой-то парень, назвавшийся композитором. Затем еще двое юношей. Из кабинета полетели звуки рояля, раздался хороший, сильный голос. Через секунду я сообразила, что слышу меццо-сопрано, и поразилась до крайности. Глафира-то, оказы-

вається, может петь. Почему же вчера во время записи клипа, пока не пустили фонограмму, она мяукала, словно новорожденный котенок?

– Мы уходим, – заглянул в кухню Свин, – вернемся ночью.

– А я?

– Ты свободна до семи, на, держи.

В моих руках оказалось сто рублей.

– Это зачем? – насторожилась я.

– На мороженое, – хмыкнул Свин, – выходной у тебя, до девятнадцати, усекла?

– Танька, – заорала Глафира, – где моя кофточка с блестками?

Я побежала в гардеробную.

– Ты о чем? Извини, тут столько вещей.

– Ладно, надену эту, – заявила хозяйка и мигом натянула на себя сиренево-розово-фиолетовую блузку.

Потом она принялась изгибаться у зеркала.

– Ну как?

Я посмотрела на тонкую талию, высокую грудь и обнаженные руки с гладкой нежной кожей.

– Изумительно! Тебе идут вещи с открытыми плечами.

Когда хозяйка с гостями ушли, я вытащила визитку и набрала номер.

– Да, – ответил недовольный голос.

– Ирина?

– Ну!

– Это Таня.

– Кто?

– Домработница Глафиры, вы дали мне свой номер.

– А, хорошо, что позвонила, – вмиг стала любезной журналистка, – давай встретимся поскорей, сегодня можешь?

– Могу прямо сейчас.

– Давай записывай адрес, – велела Ира.

Я порылась в гардеробной, выудила голубые джинсы, белую футболку, схватила сумочку и побежала к метро.

Ирина жила в небольшой двухкомнатной квартирке довольно далеко от центра.

– Узнаешь? – спросила она меня.

– Что? – не поняла я.

Журналистка махнула рукой.

– Ладно, пошли покалякаем.

Мы двинулись в комнату, служившую гостиной. У стола сидел довольно полный мужчина с бородой.

– День добрый, – весьма приветливо сказал он.

– Здравствуйте, – осторожно ответила я.

– Это Константин Львович, – весело сообщила Ирина, – он врач, очень хороший, профессор, ему с тобой поговорить надо.

– Зачем? – испугалась я.

– Так и собираешься жить не помнящей родства? – фыркнула Ирина. – Сделай одолжение, побеседуй с доктором.

– Я нестрашный, – загудел Константин Львович, – ни но-

жика, ни шприца – ничего с собой нет, просто посудачим о том о сем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.